

The Emergence of Secondary Professional Education in Kazan Educational District in the course of the Russian Empire Modernization

Timur A. Magsumov

Cherkas Global University. Washington, USA; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. Naberezhnye Chelny, Russia. Email: [nabonid1\[at\]yandex.ru](mailto:nabonid1[at]yandex.ru)

Received: 14 February 2023 | Revised: 20 April 2023 | Accepted: 1 May 2023

Abstract

The conditions of modernization at the turn of the 19th and 20th centuries in the Russian Empire gave rise to an “educational revolution,” which, among other outcomes, led to the rapid development of professional education. In an article drawing on data from the Kazan educational district, the author posits that the emergence of secondary professional schools wasn’t driven merely by economic imperatives. Rather, it was molded by the rising educational demands of the populace, policies of social segmentation, and a strengthened collaboration between state and public sectors in the domain of education.

The first professional schools appeared in the provinces of the district in the mid-19th century, aligning with the onset of the peasant reform and the region’s agrarian specialization. The period spanning the late 1870s to the 1880s witnessed the state laying the groundwork for a structured professional education system, a move colored by the prevailing politics of social segmentation. As the 19th century waned and the 20th dawned, mounting requirements for economic expansion – rooted in a more inclusive societal stratum, evolving liberal economic policies, and the recognition of education as pivotal to progress – enhanced social mobility. This progression reached its zenith with the bolstering of state-public partnerships in education and a marked surge in the number of professional schools. Viewing the state as a beacon of progress, a portion of public schools transitioned to state governance. Concurrent with the rise of educational institutions bearing mixed ownership, this highlighted the burgeoning ambitions of the bourgeoisie to shape policy. The educational overhauls, coupled with a broadening educational footprint, redefined the social milieu, accentuating elite hegemony and recalibrating class and cultural inequities. The educational system’s institutional path mirrored the dynamics of social segmentation, progressively bridging the gap between secondary vocational and classic general education.

This article caters to scholars delving into domestic education, as well as the social, cultural history, and the modernization narratives of the waning imperial epoch.

Keywords

History of Education; Russian Empire; Modernization; Kazan Educational District; Volga Region; Secondary Professional Education; Commercial School; Industrial School; Agricultural School; River School

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Становление средней профессиональной школы Казанского учебного округа в условиях модернизации Российской империи

Магсумов Тимур Альбертович

Черкас глобальный университет. Вашингтон, США; Набережночелнинский государственный педагогический университет. Набережные Челны, Россия. Email: [nabonid1\[at\]yandex.ru](mailto:nabonid1[at]yandex.ru)

Рукопись получена: 14 февраля 2023 | Пересмотрена: 20 апреля 2023 | Принята: 1 мая 2023

Аннотация

Условия модернизации Российской империи на рубеже XIX–XX столетий определили ситуацию «образовательной революции», вылившейся в том числе в бурное развитие профессионального образования. В статье, подготовленной на материалах Казанского учебного округа, автор доказывает, что формирование средней профессиональной школы определялось не только потребностями экономического развития. Оно было обусловлено возросшими образовательными запросами населения и связанной с этим политикой социальной сегментации, а также усилением государственно-общественного взаимодействия в сфере образования.

Первые профессиональные школы появляются в губерниях округа в середине XIX столетия в связи с проведением крестьянской реформы и аграрной специализацией региона. Конец 1870-х – 1880-е гг. стали временем формирования государством системы профессионального образования, проходившего под влиянием политики социальной сегментации. В конце XIX – начале XX в. возросшие потребности в экономическом росте с опорой на более широкие слои населения, либерализующаяся экономическая политика и закрепление образования в качестве условия прогресса усиливают социальную мобильность, приобретая завершение в развитии государственно-общественного взаимодействия в образовании и существенном количественном росте профессиональных школ. Восприятие государства как института, обеспечивающего прогресс, привело к передаче части общественных школ государству. Вместе с созданием учебных заведений на основе смешанной формы собственности это свидетельствовало об усилении стремления буржуазии оказывать влияние на политику. Образовательные реформы и возросший охват обучением населения структурировали новые реалии социального пространства, упорядочив господство элит и перестроив классовое и культурное неравенство. Институциональное поле приложения образовательной системы следовало фарватеру социальной сегментации, медленно сближая среднюю профессиональную школу со средней общеобразовательной. Статья ориентирована на исследователей отечественного образования, социальной и культурной истории, модернизации позднеимперского периода.

Ключевые слова

история образования; Российская империя; модернизация; Казанский учебный округ; Поволжье; среднее профессиональное образование; коммерческое училище; промышленное училище; земледельческое училище; речное училище

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Пореформенный период в истории Российской империи, особенно рубеж XIX–XX столетий, стал временем активной модернизации страны, одним из проявлений которой выступила образовательная революция. Последняя проявилась в усиленном росте числа учебных заведений и лиц, получающих образование, а также в вовлечении в образовательный процесс людей всех возрастов, а не только детей и молодежи, посредством культурно-просветительской работы. Образовательная революция модернизационной эпохи логично выразилась и в развитии профессионального образования. В стране происходит взрывной рост численности профессиональных учебных заведений всех уровней – низших и средних профессиональных (специальных) школ и училищ, отраслевых вузов. Этот рост был обеспечен во многом за счет расширения практик государственно-общественного взаимодействия в становлении профессиональной школы.

Модернизация способствовала развитию образования в регионах страны. Сеть профессиональных школ густо покрывает периферию европейской части империи, проникает на Урал и в Сибирь. Особый интерес в этом процессе представляет восток европейской части России – Поволжье, представлявшее собой многонациональный аграрный край, в котором профессиональное образование могло стать ядром экономической модернизации и инструментом культурной трансформации.

В этой связи автор ставит задачу реконструкции процесса создания сети средних профессиональных учебных заведений в Казанском учебном округе (далее – КУО), охватившем шесть губерний Среднего и Нижнего Поволжья (от Казанской, вниз по Волге, до Астраханской) и Приуралья (Вятская губерния).

Отсюда вытекает и главный метод исследования – историко-генетический. Количественные показатели использовались как элемент описания динамики изменений в образовании. Статья базируется на комплексе источников, представленных нормативными правовыми актами, делопроизводством, статистическими и справочными материалами, периодикой, эго-документами.

В работах конца XIX – начала XX в. тема поднималась в основном в русле торжественных актов открытия учебных заведений, с модернизацией ее связывало лишь конкретное указание на потребность профессиональной школы конкретного типа для данной местности (Белецкий, 1889; Косарев, 1911; Плодовский, 1912; Танеев, 1915). Первые попытки финансово-экономического обоснования участия общественности в развитии профессиональной школы сделали чиновники образовательных ведомств (Максин, 1909; Виноградов, 1912). В советскую историко-педагогическую науку тема вернулась лишь во второй половине XX в. (Барбашев, 1959; Кузьмин, 1971; Кузьмин, 1972; Батышев, 1981), причем доминировали политический контекст проблемы и

обязательное обоснование развития профессиональной школы условиями империалистической стадии развития страны. Региональные аспекты вопроса стали активно подниматься к началу XXI в. (Саранцев, 2007; Хайруллин & Черняк, 2007; Трещев & Алфёрова, 2011; Аминов, 2014; Молчанова, Баланюк, Видищева & Потапова, 2019; Cherkasov, Bratanovsky, Zimovets & Koroleva, 2021), однако связь с модернизационными процессами и государственно-общественным характером развития образования в них прослеживалась слабо, в отличие от некоторых работ, подготовленных на общероссийских материалах (Кошман, 2008; Ерошенко & Трофимова, 2020; Жарова, 2021), и по аналогичным процессам за рубежом (Cherkasov, Bratanovsky, Ponomareva & Zimovets, 2021).

Условия и предпосылки формирования профессиональных школ

Становление среднего профессионального образования в губерниях КУО во второй половине XIX столетия и его развитие в конце XIX – начале XX в., как и по всей России, было обусловлено комплексом модернизационных изменений и программой властей по их внедрению.

В ключевой работе по неомарксистской социологии образования «Школьное образование в капиталистической Америке» (Bowles & Gintis, 1976) американские экономисты С. Боулз и Г. Гинтис доказывают, что образование выступает социальной институцией (соответственно, школа – буржуазным инструментом) по удовлетворению потребностей промышленного капитализма. Поскольку последний стал более заинтересован в работниках с определенными умениями, система образования начала их подготовку. Несмотря на многочисленную критику этого сочинения, Г. Томас признает, что «это, конечно, известная марксистская песня, но не стоит сбрасывать этот анализ со счетов: множество факторов говорят в его пользу» (Томас, 2016, с. 28). На примере закона Форстера (1870 г.) в Великобритании он показал, что стимулом принятия этого акта стало усиление отставания страны от США и Пруссии и угроза потери конкурентоспособности в силу нехватки рабочих рук с начальным образованием, приведя в качестве одного из аргументов высказывание премьера У. Гладстона о причинах победы Пруссии в войне с Францией: «Успешное ведение немцами этой кампании ознаменовало собой несомненный триумф систематического народного образования» (Томас, 2016, с. 29). В целом о позитивном влиянии германской системы образования на экономическую модернизацию говорит множество авторов, выдвигая прусскую образовательную политику в число ведущих факторов экономического роста и технического прогресса страны (Deane, 1979, p. 293-294). Введенный в связи с этим Э. Уэстом термин «образовательная революция» (West, 1975,

р. 256) стал неотъемлемым атрибутом исследований революции индустриальной.

Экономическая модернизация России определила рост потребности в квалифицированных специалистах. Следствием этого явилось увеличение количества профессиональных учебных заведений. На это накладывалась активно пропагандируемая общественностью и представителями власти идея независимости экономического развития страны от иностранных специалистов (одним из первых эту мысль озвучил К. Д. Ушинский в статье «Необходимость ремесленных школ в столицах», опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1868 г.).

Э. Д. Днепров связывает географию создаваемой средней профессиональной школы

«...с особенностями экономического развития страны. Неравномерность развития экономики, которая зависела от многих причин – наличия сырьевых ресурсов, плодородия земель, состояния промышленности и сельского хозяйства, численности населения, местных промыслов, традиций предпринимательства и прочего – оказывала влияние и на подготовку профессиональных кадров среднего и низшего звена» (Днепров, 2011, т. 2, с. 541).

По наиболее распространенной классификации экономико-географического районирования Российской империи П. П. Семенова (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, т. 27а (54), с. 228-229; Семенов, 1899-1914; Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1896, с. 24, 29, 32), шесть губерний Восточного для Европейской России КУО занимали территории всего Среднего и Нижнего Поволжья и части Приуралья (Вятская губ.). А. И. Чевакинский, характеризуя этот обширный край, указывает: «несмотря на пестроту племенного состава, пространство [Среднего и Нижнего Поволжья] представляет одно промышленное целое. Объединением служит общее господствующее занятие сельским хозяйством и река Волга, с которой тесно связаны прочие занятия огромной части населения» (Чевакинский, 1914, с. 184). Автор признает важное влияние хозяйственного уклада населения на региональную экономическую специфику (Чевакинский, 1909, с. 112). Особенно это было значимо в Среднем и Нижнем Поволжье, где треть населения составляли инородцы (в Вятской губ. – пятую часть) (Семенов, 1899-1914, т. 5, с. 168; Семенов, 1899-1914, т. 6, с. 153). Составлявший переход к Азии, исследуемый регион имел

«...разнообразие племен и наречий, причем наиболее сильное в губ. Казанской и Астраханской; в первой русских даже меньше половины, а больше всего татар <...>. Татары занимаются земледелием, торговлей, бурлачеством. Малочисленнее их чуваша; они отличные земледельцы; затем черемисы – лучшие охотники края; наконец идут мордва, мещеры и вотяки. В губ. Астраханской из инородцев живут калмыки, киргизы и татары. В прочих губерниях подавляющее число составляют великоруссы; малороссы в южных частях пространства <...>.

Немцы-колонисты <...> в губ. Самарской и Саратовской» (Чевакинский, 1914, сс. 183-184).

Средние сельскохозяйственные учебные заведения

Безусловно, аграрный вопрос в России всегда был одним из актуальнейших для ее развития. «В стране, где 80 процентов населения заняты в сельском хозяйстве, вполне естественно ожидать, что сельскохозяйственные школы должны играть важную роль в общей системе образования» (Jesien, 1917, р. 7) – так начинается номер «Бюллетеня» Бюро образования Департамента внутренних дел США, посвященный среднему сельскохозяйственному образованию в Российской империи. Действительно, в силу аграрного характера отечественной экономики первыми из профессиональных школ в ней создаются сельскохозяйственные. Для губерний КУО, с долей крестьянского населения свыше 90 % (без учета того, что все инородцы Астраханской губернии были отнесены к некрестьянским сословиям) (Семенов, 1899-1914, т. 5, с. 166; Семенов, 1899-1914, т. 6, с. 148), этот процесс был ощутимее. Соответственно, «главнейшим занятием в крае <...> служит земледелие», и «под земледельческой культурой более половины всей земли, а в губ. Саратовской 2/3» (Семенов, 1899-1914, т. 6, с. 202; Чевакинский, 1914, с. 184).

Открытие первого сельскохозяйственного учебного заведения в стране относится к 1797 г., однако «более или менее систематические меры по распространению в России» сельскохозяйственного образования «стали приниматься только со времени учреждения Министерства Государственных Имуществ» (далее – МГИ). С 1841 г. учреждаются учебные фермы, в том числе в губерниях КУО: в 1844 г. – Юго-восточная (Самарская; в 1859 г. упразднена), в 1846 г. – Северо-восточная (Казанская), в 1847 г. – Мариинская (Саратовская) (Морачевский, 1914, с. 262). Выбор этих городов был обусловлен заметным для региона явлением, связанным с отходничеством: «Часть крестьян живет в городах, не порывая связи с землей; особенно это заметно в Казанской и Саратовской губерниях, благодаря таким крупным центрам Поволжья, как Казань и Саратов, привлекающим на разные городские заработки многих крестьян» (Семенов, 1899-1914, т. 6, с. 149). Цель учебных ферм заключалась в «приготовлении из молодых крестьян (государственных и помещичьих) опытных хозяев, которые <...> могли бы впоследствии основать образцовые крестьянские усадьбы» (Белецкий, 1889, с. 2). Однако учебные фермы не выполнили возложенных на них задач в силу нехватки учащихся, дороговизны их содержания и низкого процента трудоустройства выпускников по специальности. В условиях крестьянской реформы назрел вопрос о реформировании учебных ферм. В этой связи в 1861 г. учебные фермы были преобразованы в земледельческие училища (Танеев, 1915, сс. 2-3).

№ п/п	Наименование учебного заведения	Год открытия
Астраханская губерния		
1.	Астраханское мореходное училище	1903
2.	Астраханское коммерческое училище	1914
Вятская губерния		
3.	Вятское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей	1872
4.	Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище	1900(1901)*
5.	Воткинское (частное) среднее механико-техническое училище	1907
6.	Вятское частное коммерческое училище	1908
7.	Орловское речное училище	1911
Казанская губерния		
8.	Казанское земледельческое училище (Казанское среднее сельскохозяйственное училище)	1864
9.	Казанское соединенное промышленное училище	1890(1897)
10.	Казанское коммерческое училище	1904
11.	Казанское речное училище	1904
12.	Казанское женское коммерческое училище Эккерт	1914
Самарская губерния		
13.	Самарское Алексеевское среднее сельскохозяйственное училище	1899
14.	Самарское коммерческое училище	1902
15.	Балаковское коммерческое училище	1910
Саратовская губерния		
16.	Саратовское среднее соединенное механико и химико-техническое училище	1899
17.	Саратовское коммерческое училище	1900
18.	Царицынское коммерческое училище	1915
19.	Мариинское земледельческое училище	1865
Симбирская губерния		
20.	Симбирские землемерно-таксаторские классы	1860(1861)
21.	Симбирское коммерческое училище	1900
22.	Симбирское землемерное училище	1912

* В случае указания двух дат вне скобок дается дата учреждения учебного заведения, в скобках – дата открытия.

Таблица 1. Перечень средних профессиональных школ, открытых в КУО, с распределением по губерниям и годам открытия (сост. по данным текста настоящей статьи)

Table 1. List of secondary professional schools in the Kazan Educational District, with distribution by provinces and years of opening (compiled according to the text of this article)

Уже в 1864 г. на базе Казанской и Мариинской ферм были созданы земледельческие училища (перечень средних профессиональных школ, открытых в КУО, представлен в табл. 1). Курс обучения в них составил четыре года, в 1867 г. он был увеличен до пяти, а в 1878 г. стал шестилетним. Казанское земледельческое училище (далее – КЗУ) имело своей целью «доставлять учащимся в нем практическое, на научной основе, образование по сельскому хозяйству, для подготовки их к сельскохозяйственной деятельности в соответствии с местными условиями и требованиями жизни в районе училища» (Казанское среднее сельскохозяйственное училище, 1913, с. 3). В рекламных целях в газетных объявлениях учебные заведения упрощали формулировки, ориентируясь на потребителей своих услуг. В объявлении КЗУ в «Казанских губернских ведомостях» в 1872 г. указывалось, что учебное заведение «имеет целью доставить возможность молодым людям всех сословий приобретать теоретические и практические сведения, необходимые для управителей и арендаторов имений и вообще всех лиц, желающих посвятить себя деятельности по сельскохозяйственным предприятиям» (Казанские губернские ведомости, 1872, 21 июня). Особое значение для Среднего и Нижнего Поволжья имели именно управляющие, ввиду относительно высокой доли частных владений (17,1 %), среди которых крупные землевладельцы имели 79,8 % земель, и казенных земель (12,1 %) (Семенов, 1899-1914, т. 6, с. 232-234).

Во время подготовки крестьянской реформы правительство озаботилось также подготовкой специалистов для размежевания земель. Так возникла идея о землемеро-таксаторских классах при гимназиях, положение о которых было утверждено в 1860 г. (Россия. Император, 1874, с. 393-402). По всей стране было открыто порядка 40 таких классов с числом учащихся от 40 до 50 человек в каждом; впрочем, по мере окончания землемеро-таксаторских работ эти классы в период 1864-1879 гг. закрылись (Саранцев, 2007, с. 62). Один из классов был открыт при Симбирской гимназии в 1861 г. и просуществовал вплоть до 1868 г. (последний выпуск учеников). Набор прекратился в 1866 г., когда губернское земство не стало ассигновать средства на его содержание, признав, что ожидаемой пользы класс не принес (ходатайство было утверждено в том же году) (Мартынов, 1898, с. 193-194).

Классы открывались при гимназиях, находились в заведовании управляющего Межевым корпусом, под руководством директора гимназии, за что ему выплачивалась надбавка 200 руб. в год; мог назначаться инспектор классов с доплатой 150 руб. из числа преподавателей гимназии. В классы принимались мальчики, окончившие не менее четырех классов гимназии. Срок обучения составлял два года, по 12 недельных уроков в год, на которых изучались: топография (3 урока), нивелирование (2), черчение, иллюминаровка, надписывание и накладка планов (8), планиметрия (2), таксация (4), естественные науки (3), межевые законы (2). Этот объем обуславливался продолжением учениками гимназического курса, отчего занятия проводились, в основном, в послеобе-

денное время. Все вакантное время, по возможности до трех месяцев, ученики должны были заниматься полевыми практическими занятиями по топографии, нивелированию и таксации. Привлекательной была возможность получения стипендии учениками второго класса от 5 до 8 руб. (10 и 15 человек соответственно) в месяц; в особых случаях на стипендию могли рассчитывать и младшеклассники. Все выпускники удостоивались звания «частных Землемеров и Таксаторов» и соответствующего диплома. Среди прав для выпускников, «происходящих из состояний, не имеющих права на поступление в гражданскую службу», были значимыми приписка к городу, освобождение от податей, телесных наказаний и рекрутской повинности на шесть лет, по истечении которых, в случае предоставления ими свидетельств о работе по специальности не менее шести месяцев каждый год, эти права закреплялись за ними навсегда, а еще через 10 лет службы они могли рассчитывать на получение звания личного почетного гражданина (ГАУО, 1860, лл. 5-6; Россия. Император, 1874, с. 393-402).

Принципиальным здесь считаем привязку повышения социальной позиции не к полученному образованию, точнее, к диплому как документу о нем, свойственную практически для всей позднеимперской школы и воспринимаемую населением как вертикальный социальный лифт, а как раз обязательную именно для этого случая двухканальную мобильность, то есть лишь временное повышение статуса при получении диплома, и его пожизненное закрепление с перспективами роста после определенного срока работы согласно полученной специальности. Эта организованная государством мобильность была вынужденной в условиях массовой потребности в таких кадрах на ближайшую перспективу, однако позже подобная практика была распространена лишь на средние сельскохозяйственные учебные заведения, прежде всего, в силу аграрного характера экономики.

В последующем к созданию сельскохозяйственных школ подключились новые органы – земства. Так, в Вятской губернии местное земство в 1872 г. открыло Вятское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей. В силу достаточно широких социально-экономических потребностей земства оно «рассчитывало, что из училища будут выходить образованные сельские хозяева, а также учителя для народных школ» (Вятич, 1901, с. 25). Однако в 1880 г. оно было преобразовано в земское реальное училище.

Увеличение числа средних школ, определившее многообразие содержания образования, потребовало их унификации. Принятие «Положения и штатов земледельческих училищ» в 1878 г. обосновывалось также недостаточным качеством подготовки выпускников «для самостоятельного выполнения более сложных задач» (Морачевский, 1914, с. 269). Углубление подготовки современниками оценивалось одновременно как шаг к усилению элитарности земледельческих училищ: «Это будут просто реальные училища,

<...> но специализированные для потребностей сельского хозяйства», и главное – все больше удаляющиеся «от земледельческой массы» (Внутреннее обозрение, 1878, с. 729, 731). Такая ситуация, по прямым намекам «Вестника Европы», стала победой консервативного МНП, напрямую вмешавшегося в эту реформу и превращавшего земледельческие училища в сословную школу для более зажиточных слоев населения, чем это было ранее. Эта школа стала и значительно ближе к общеобразовательной. Подчеркивая связь между элитой и тем населением, которое желало поместить своих детей в этот социальный лифт, школа становилась образовательным (соответственно, и культурным) трамплином. Параллельно в том же году началась разработка, а через пять лет последовала реформа низшего сельскохозяйственного образования; за 11 лет до создания Министерства земледелия «было открыто 50 низших общесельскохозяйственных школ» для распространения «в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремеслам, преимущественно путем практических занятий» (Морачевский, 1914, с. 264-265).

Эта реформа стала одним из первых проявлений социальной переориентации образовательной политики Александра III, который определил ее идеологию уже в начале своего царствования: «Теперь нужно позаботиться оградить школы, чтобы яд разрушительных теорий, проникнувших в высшие классы, не проник в народные массы» (Данилевский, 2016, т. 3, с. 192). Подобное патерналистское оперирование сословными категориями в образовательной политике, слабо соответствовавшее социальной ситуации модернизирующегося общества, привело к ряду образовательных и стратификационных противоречий. Мы видим усиление общеобразовательного компонента средней профессиональной школы, увеличение сроков обучения в ней и повышение образовательного ценза. Одновременно идет усиление претензий обучающихся и их родителей к получению нового социального статуса, соответствующего их видению позиции выпускника средней профессиональной школы, именно как средней, воспринимаемой в качестве равной средней общеобразовательной. Однако, при повышении статуса средних профессиональных школ и прав их выпускников, это повышение не сравнивало их с классической школой. С этой позиции попытки правительства в рамках сословной парадигмы развить полноценную неклассическую школу, которая «оттянула бы на себя» устремившиеся в гимназию низшие страты, имели противоречивые результаты. Действительно, были созданы новые типы средних школ – реальные гимназии (училища), коммерческие училища, средние технические и сельскохозяйственные училища, – позволявшие гимназиям частично сохранять свой статус учебных заведений для «высших» классов. Однако социальная сегментация средней школы в условиях модернизации не могла в будущем способствовать единству трансформирующихся социальных элит. Более того, консервативная «оборона» классического образования от реального (в широком его понимании) лишь усиливала антагонизм между этими школами

(в широком ракурсе, социальные противоречия между их выпускниками), а также преумножала недовольство выпускников неклассических средних школ подобной социальной и образовательной политикой. Такая образовательная политика в целом совпадала с общеевропейской того времени: по оценке Ф. Рингера, «к середине 1880-х годов дифференциация системы образования была связана скорее с социальной стратификацией Германии, чем с каким-либо другим фактором» (Рингер, 2008, с. 39). Эта сегментированная образовательная система, «отличавшаяся не только программой преподавания, социальным происхождением <...> воспитанников и траекторией их последующей карьеры», не просто соответствовала социальной структуре стран европейского континента, но и активно ее воспроизводила (Чубарьян, 2011-2018, т. 5, с. 154-155). Ближайшим образовательным последствием этих процессов стала активизация стремления родителей учеников и педагогов неклассических школ к получению этими школами прав, свойственных классической общеобразовательной школе, посредством устранения формальной разницы между двумя типами образования – изменения программ профессиональной школы в сторону увеличения общеобразовательной компоненты (включая настойчивые попытки внедрения древних языков) и соответственного сокращения профессиональной составляющей. Частичные успехи в этой деятельности еще настойчивее ставят вопрос о том, что образовательная институция все более превращалась в одно из стратификационных оснований социума, нежели напрямую зависела от маятника борьбы консерваторов и либералов в образовательной политике или детерминировалась уровнем экономического развития.

С принятия «Положения» 1878 г. начинается ускоренный рост количества средних сельскохозяйственных учебных заведений: если в 1860 г. их насчитывалось четыре, в 1890 г. – девять, то в 1910 г. – 18, а в 1917 г. – 28 (Батышев, 1981, с. 130). Количественный рост сельскохозяйственных школ с конца XIX в. осуществлялся во многом за счет усиления взаимодействия государства и общества, общественной и частной инициативы, а также, в небольшой степени, через открытие частных и общественных школ. Так, доля средних сельскохозяйственных учебных заведений, содержавшихся только за счет казны, упала с 78 % в 1895 г. (7 школ) до 41 % в 1912 г. (7 школ), при одновременном увеличении доли школ, содержавшихся за счет казны и местных общественных учреждений с 22 % (2 школы) до 59 % (10 школ) соответственно (Морачевский, 1914, с. 298). В составе последней группы оказалось учрежденное в 1899 г. (открыто в 1900 г.) Самарское (Алексеевское) среднее сельскохозяйственное училище (далее – САССХУ): 23 460 руб. в год на него выделяла казна, а 22 500 руб. – Самарское губернское земство (Государственная канцелярия, 1905-1907, вып. II, с. 171). Земство также профинансировало строительство и оборудование училища, обошедшееся в 468 373,29 руб., на сумму 81 121,17 руб. (17,32 % от общей стоимости) (Плодовский, 1912, с. 15).

Л. В. Кошман, отмечая недостаточное развитие начального и среднего сельскохозяйственного образования, в числе объективных причин этого указывает на крестьянское малоземелье, не позволявшее развивать технику и технологию на небольшом крестьянском наделе, отчего и начальных сельскохозяйственных школ с упором на неземледельческие отрасли сельского хозяйства было больше, чем земледельческих училищ (Кошман, 2008, сс. 332-333). Добавлю, что земледельческие училища, логично концентрировавшиеся в черноземных регионах с аграрной специализацией, изначально не были ориентированы на малоземельных крестьян и в целом мелких землевладельцев, имея целью подготовку управляющих для крупных хозяйств, тогда как низшая сельхозшкола давала рабочие навыки по отдельным отраслям. Субъективная причина, а именно, недоверие сельского населения к школе, и особенно к школе сельскохозяйственной, наглядно отражена в воспоминаниях вице-президента АН СССР И. П. Бардина, бывшего ученика Саратовского Мариинского земледельческого училища (далее – СМЗУ):

«Во время пребывания в училище я навещался в свое село. Глядя на меня, одетого в мундирчик со значками, изображавшими косу и грабли, мои родичи насмешливо спрашивали: «Чему же вас там в училище учат?» «Как, чему? – отвечал я. – Сельскому хозяйству!». «Да разве этому надо учиться в училище? Это дело мы знаем лучше вас. У нас надо учиться!». Чтобы сильнее выразить свое презрение к моей будущей профессии слово «агроном» умышленно коверкали в «агролом»» (Бардин, 1968).

В целях приведения сельскохозяйственного образования в систему в 1904 г. было принято «Положение о сельскохозяйственном образовании». Принятый накануне первой русской революции, этот закон содержал поистине революционные для того времени положения, касающиеся создания стимулов для поощрения общественной и частной инициативы в создании новых школ. Так, для негосударственных учебных заведений допускались пособия от казны на содержание по учебной части, для общественных школ – дополнительные пособия на хозяйственные расходы, в том числе на пансионы и общежития (и даже на их устройство) и содержание учеников. Всем учебным заведениям могли выдаваться в бесплатное пользование казенные земельные и лесные участки, необходимые для организации занятий учеников и ведения образцовых хозяйств, а из казенных лесных дач – лес на постройку, ремонт и отопление зданий (Министерство земледелия и государственных имуществ, 1898-1916, вып. XIV, сс. 300-301, 304).

Все сельскохозяйственные учебные заведения были разделены на высшие, средние и низшие. К средним были отнесены училища с пятишестилетним сроком обучения, в которые принимались юноши, окончившие городские или двухклассные сельские училища. Однако преобразование учебных заведений по этому «Положению» начало осуществляться лишь с 1908 г. Остановленная революционными событиями, реализация «Поло-

жения», как и рост количества сельхозшкол, была активно продолжена при П. А. Столыпине, правительство которого в борьбе с революцией сделало ставку на аграрный фактор, рассматривая аграрную реформу как панацею от революционной заразы и всех сопутствующих модернизации проблем. Осуществление курса, направленного на создание прослойки крепких сельских собственников, требовало подготовленных специалистов и образованных хозяев (для чего, кстати, и были активизированы формы дополнительного образования крестьян при земледельческих училищах). Этого требовала и усиливающаяся конкуренция с США и Аргентиной на хлебном рынке. Успех в реализации этого курса, которому способствовали и ведомственная подчиненность практически всех учебных заведений сельскохозяйственного профиля министерству земледелия, и перераспределение ведомственных приоритетов из сферы промышленности и торговли (интересы С. Витте, что вылилось в рост коммерческого и технического образования) в аграрную плоскость (интересы П. Столыпина, соответственно, усиление внимания к сельхозобразованию), виден в быстром росте количества учебных заведений и их финансирования. С 1909 по 1914 гг. расходы на содержание сельскохозяйственных школ увеличились в 2,58 раза, в том числе за счет государственной казны – в 3,5 раза (с 1 929,5 до 6 835,9 тыс. руб.) (Никонов, 1995, с. 112). После сделанных Государственной Думой в 1907 и 1908 гг. замечаний относительно «Положения» 1904 г., ДЗ провел ряд совещаний по корректировке постановления в сельскохозяйственной школе учебного дела, итогом чего стала серия инноваций. Так, в 1909 г. принят закон об открытии кратковременных землемерных курсов при восьми средних земледельческих училищах; с 1911 г. разрабатывался законопроект об организации среднего сельскохозяйственного училища в Вятской губернии; с 1912 г. начало практиковаться направление преподавателей низших сельскохозяйственных школ на обучение в Московский сельхозинститут с обязательством по его окончании трудоустроиться в средние сельскохозяйственные школы. В 1913 г. принят закон об упрощенном открытии негосударственных средних сельскохозяйственных училищ – с разрешения Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием, а не в законодательном порядке, началась подготовка к открытию средних гидротехнических училищ (в том числе одного – в Астраханской губернии), при ДЗ была создана учебная инспекция (Морачевский, 1914, сс. 278-280, 283-285, 287-288; Главное управление землеустройства и земледелия, 1912, с. 47). Новые учебный план и программы средних сельхозучилищ, разработанные в 1911 г., были введены с 1912-1913 уч.г.

Помимо указанного открытия при земледельческих училищах землемерных курсов, в том же 1909 г. издается новое положение о землемерных училищах. Серия законов о подготовке землеустроителей, по мнению М. Д. Книга, стала следствием неспособности соответствующих учебных заведений к удовлетворению возросшей потребности в нужных кадрах (Книга, 2018,

с. 295). Помимо пяти существовавших училищ, после 1909 г. было открыто еще девять, в числе которых и Симбирское землемерное училище (далее – СимЗУ) в 1912 г. (Железнов & Ковалевский, 1910-1948, т. 21, стб. 156; Саранцев, 2007, с. 195). Землемерные училища имели целью образование «техников для производства землемерных и межевых работ, а также связанных с ними работ по коренным улучшениям земельных угодий и таксационных исследований» (Железнов & Ковалевский, 1910-1948, т. 21, стб. 156).

Лесистыми губерниями КУО были только Вятская (61 %) и Казанская (36 %) (Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1896, с. 25), что во многом сказалось на отсутствии средних лесных учебных заведений в округе (низшее было всего одно – в Казанской губернии (табл. 2)).

		В том числе средние и низшие в хозяйственной сфере																	
		Средних, всего				Средних и низших, всего				Сельскохозяйственные и домоводства, лесные, межевые и землемерные				Ремесленные		Технические		Судоводительские	
		Коммерческие				Сельскохозяйственные и домоводства				Лесные		Межевые и землемерные							
		Абс.		%		Абс.		%		Абс.		Абс.		Абс.		Абс.		Абс.	
		Абс.		%		Абс.		%		Абс.		Абс.		Абс.		Абс.		Абс.	
КУО	19	334	16	4,79	30	8,98	29	1	0	272	81,43	3	0,9	2	0,6				
Астраханская губ.	3	17	2	11,76	2	11,76	2	0	0	9	52,94	0	0	1	5,88				
Вятская губ.	3	94	1	1,06	11	11,70	11	0	0	80	85,10	1	1,06	0	0				
Казанская губ.	6	83	3	3,61	5	6,02	4	1	0	69	83,13	1	1,20	1	1,20				
Самарская губ.	2	59	3	5,08	4	6,77	4	0	0	51	86,44	0	0	0	0				
Саратовская губ.	4	47	5	10,63	4	8,51	4	0	0	35	74,46	1	2,12	0	0				
Симбирская губ.	1	34	2	5,88	4	11,76	4	0	0	28	82,35	0	0	0	0				

Всего по империи, абс.	355	3036	373	12,28	343	11,29	309	30	4	1923	63,33	81	2,66	42	1,38
Всего по Европ. России, абс.**	289	2469	282		251		228	21	2	1619		67		36	
КУО к империи, в %	5,35	11,00		4,28		8,74	9,38	3,33	0		14,14		3,70		4,76
КУО к Европ. России, в %*	6,57	13,52		5,67		11,95	12,71	4,76	0		16,80		4,47		5,55

* Без учета Привислинских губерний и Кавказа.

Таблица 2. Численность средних и низших профессиональных школ КУО на 1910 г. (Министерство торговли и промышленности, 1910, с. 2-3, 5, 8-11, 14-15)

Table 2ю Number of secondary and lower professional schools in the Kazan Educational District in 1910 (Ministry of Trade and Industry, 1910, p. 2-3, 5, 8-11, 14-15)

Именно со столыпинских времен функции средних сельхозшкол существенно трансформировались: изначально ведя подготовку управленцев для крупных хозяйств, «они стали распространять новые идеи в сельском хозяйстве среди населения косвенным образом». Делалось это через курсы дополнительного образования для крестьян и сельского учительства, предоставление школьной материальной базы для проведения курсов другими учреждениями и земствами, а также через «обеспечение учителями начальных школ, число которых очень быстро растет» (Jesien, 1917, p. 9).

Промышленные училища

Профессиональное образование к концу 1870-х гг. стало важным направлением образовательной политики. Помимо проведения реформ в сельскохозяйственном образовании, государство взяло на себя ведущую роль в создании системы профессионально-технического образования, включая среднее. Одним из первых шагов на этом пути стала реформа гимназического образования, разделившая классические и реальные гимназии и преобразовавшая последние в 1872 г. в реальные училища, однако во многом своих целей она не достигла. Технические отделения (седьмые классы) реальных училищ давали недостаточные знания для работы в промышленности, а право поступления по их окончании в специальные вузы превратило их в подготовительную

школу к получению высшего неклассического образования, что среди прочего повлекло за собой «совершенное отсутствие крайне нужных средних, недо-рогих техников» (Максин, 1909, с. 9), которые могли бы заполнить промежуток между рабочими и инженерами. Символично, что разработка вопроса системы профтехобразования началась в 1878 г., в год принятия «Положения» о земледельческих училищах, и была возложена на МФ, но условия начала нового царствования отложили внедрение плана развития технических школ: в 1881 г. большинство из них было передано в ведение МНП, которое приступило к детальному обсуждению этого плана лишь в 1884 г. (Максин, 1909, с. 7). Первоосновой создания системы профтехобразования стал «Общий нормальный план промышленного образования в России», главную роль в создании которого сыграл И. А. Вышнеградский, в будущем министром финансов в 1888-1892 гг.

Этот план был положен в основу «Основных положений о промышленных училищах» (1888 г.). Примечательно, что в следующем году в Англии был принят закон о техническом образовании, который заложил прочную основу профессиональной подготовки в королевстве. На нужды технического образования английский парламент передал чистый доход от налога на спиртные напитки. Спецификой Великобритании стало сочетание широкой централизованной сети профтехшкол с множеством курсов дополнительного рабочего образования при колледжах, в которых обучалось более 600 тыс. чел. (Кинд, 1916, с. 3-4).

Документ оформил три типа промышленных учебных заведений: средние, низшие технические и ремесленные училища (Министерство народного просвещения. Отдел промышленных училищ, 1909, с. 8), для которых были подготовлены учебные планы и программы предметов, а в 1889 г. утверждены уставы и штаты. Проведенная И. А. Вышнеградским реформа стала одним из проявлений значимого фактора подготовки будущего индустриального подъема – государственного стимулирования экономического роста. Впрочем, и новый министр, и новое царствование не изменили взгляда на профессионально-техническое образование. С. Ю. Витте в одной из своих речей в марте 1899 г. назвал помощь технической школы в числе ключевых факторов развития перерабатывающей промышленности как сферы основополагающего приложения сельскохозяйственного производства – основной отрасли российской экономики (Внутреннее обозрение, 1899, с. 786). Образовательная ситуация в российской промышленности была катастрофической: на 1892 г. только 7,6 % заведовавших фабрично-заводским производством, включая 2 % иностранцев, имели техническое образование (Морев, 1900, с. 251).

Создаваемая система профтехобразования, отвечавшая реалиям завершившегося промышленного переворота, не избежала свойственной бюрократии того времени двойственности, неся на себе отпечатки идей консервативного лагеря в лице «ближнего круга» своего создателя – М. Н. Каткова и

В. П. Мещерского. Участие последнего в лоббировании закона было несомненным: князь предлагал, как свой вариант, отличный от печально известного циркуляра «О кухаркиных детях», закрытие столичного университета и полутора сотен гимназий, а освободившиеся от этого средства «советовал направить на профессиональные и ремесленные школы» (Гросул, 2000, с. 319). Эти слова почти дословно повторил и император, написав в июне 1887 г. на докладе министра просвещения резолюцию: «Я настаивал на сокращении числа наших гимназий и прогимназий и полагал некоторые из них преобразовать в реальные училища, а часть свободных сумм от упразднения гимназий употребить тоже на профессиональные и технические школы» (Максин, 1909, с. 11). При этом в целом стоит согласиться с тем, что, «стараясь сдерживать развитие общества в пределах наследственной социальной категории, имперское правительство нуждалось в том, чтобы мобилизовать людские и материальные ресурсы, этим и были созданы правовые возможности для пересечения социальных границ» (Lieven, 2006, p. 248). Законопроект, символично принятый в год 50-летнего юбилея трудовой деятельности И. Д. Делянова, подчинил создаваемую техническую школу консервативному МНП, став своеобразным паллиативом в социальном сегменте образовательной политики, равно как и должен был хоть частью снизить накал общественных страстей вокруг скандального циркуляра, обелить образ МНП и лично его руководителя.

Комиссия при МНП наметила открыть за счет казны 40 промышленных училищ, в том числе семь средних. Средние технические училища нацеливались на подготовку техников как ближайших помощников инженеров (Министерство народного просвещения. Отдел промышленных училищ, 1909, с. 8). В течение 1888-1893 гг. было открыто всего два средних технических училища, однако за следующие пять лет – уже восемь, и еще восемь – за последующее пятилетие (Кошман, 2008, с. 352). Главной причиной задержки И. М. Максин назвал сложности в учете местных условий и затраты по организации училищ, превышавшие, по его оценке, в отношении средних технических 250 000 руб. (Максин, 1909, сс. 25-26). И. А. Анопов активно командировался в предполагаемые места открытия училищ для ознакомления с местными условиями (Анопов, 1891), включая изучение вопросов преобразования в училища других учебных заведений или переговоров с местными органами о выделении безвозмездно земли под постройку зданий. Немаловажной причиной следует считать недостаток абитуриентов, не стремившихся после пятого класса реального училища поступить на четыре года в среднее техническое училище при том, что окончание обоих учебных заведений давало одинаковый набор социальных прав.

Подобные задержки, по-видимому, уже привычные для местных властей, «подстегивали» различные инициативы последних. После опубликования «Основных положений о промышленных училищах» Казанская городская дума в октябре 1888 г. поручила особой комиссии обсудить вопрос о возбуждении

ходатайства о преобразовании Казанского реального училища в техническое (ГАРТ, 1911, л. 8об.). Вся суть этого предложения – полное отражение процитированной нами двумя абзацами выше императорской резолюции на докладе министра просвещения. Однако 5 мая 1889 г. городской голова получил сообщение от Казанского губернатора о том, что комиссия при МНП признала необходимым учредить в Казани (за счет казны) среднее химико-техническое училище и низшее техническое с тремя отделениями (ГАРТ, 1911, л. 9). Подобная группировка училищ фактически создала в Казани сильный образовательно-технический центр с высококвалифицированным персоналом преподавателей-специалистов по различным отраслям техники и с обширной и разнообразной базой для фундаментальных и прикладных исследований.

Характеризуя средний хлебный (черноземный) край, Д. И. Менделеев отмечал, что «одно земледелие здесь уже давно стало недостаточным для хозяйственной деятельности, тем более, что земледелие ведется здесь и поныне преимущественно в экстенсивных формах». Будучи земледельческим краем, который «производит излишки хлеба», «содержа разнообразные минеральные богатства», по общей сумме своей «заводско-фабричной производительности Восточная область должна быть причислена к важнейшим для России» (Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1896, сс. 25, 32). Региональная «фабрично-заводская промышленность сосредоточена на обработке предметов растительного и животного царства» (Чевакинский, 1914, с. 186). Промышленный потенциал губерний КУО, по отраслевой своей принадлежности свидетельствовавший об общем земледельческом укладе региона, характеризовался следующими показателями: на шесть губерний (из 72, т.е. 8,33 % от общего количества) в 1900 г. (в статистику 1900 г., в отличие от прошлых лет, вошли более крупные предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции, как правило, с годовой производительностью не менее 5000 руб. и числом рабочих не менее 10) (Чевакинский, 1909, сс. 113-114) приходилось 7,5% предприятий и 6,2 % от суммы всех производств страны, необложенных акцизом; в отношении таких отраслей, как механическая обработка дерева, обработка животных продуктов и обработка питательных веществ на губернии КУО приходилось гораздо больше этих среднеприведенных значений (табл. 3). Данные таблицы показывают, что наиболее высокая доля в стоимости фабрично-заводского производства приходилась на Саратовскую губернию, затем следовала Казанская губерния. Обработка животных продуктов в Казанской губернии, превосходившая совокупность вклада всех остальных губерний КУО, в том числе стеариновое и мыловаренное производства, наиболее развитые в округе по объемам обработка металлов и производство машин, способствовала тому, что «на Каме и ее притоках, вплоть до Казани, расположились многие заводы» (Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур, 1896, с. 25), что удовлетворяло требованиям для открытия в городе промышленного училища.

Губернии	Производства: бумажной массы, бумаги и картона, изделий из них, полиграфические и т. п.	Механическая обработка дерева	Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесла	Обработка минеральных веществ	Обработка животных продуктов	Обработка питательных веществ	Химические производства	Итого по производствам, не обложенным акцизами	Всего по производствам, не обложенным и обложенным акцизами
	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений Сумма производств (в тыс. руб.)	Число заведений
Астраханская	8 133,6	46 3495,16	39 1626,7	36 690,4	12 512,4	27 1254,6	1 7,5	175 7977,06	185
Вятская	16 641	15 268,51	21 480,3	11 562,4	54 4659,1	18 656,8	3 1476	157 10066,31	204
Казахская	12 152,9	32 1043,14	16 742,4	19 339	19 11641,7	37 4871,6	2 296,8	149 20371,54	174
Самарская	6 200,4	18 543,06	9 358,3	14 216,7	2 489,5	31 14934,3		84 17458,76	102
Саратовская	18 600,5	45 4550,05	26 7942,8	28 1471	16 927,4	110 3464,9	3 43,1	297 53955,15	337
Симбирская	9 218,9	22 930,17	8 101,6	3 73,9		32 5558,8	4 445,9	95 14274,17	117
Итого по 6 губерниям КВО	69 1947,3	178 10830,09	119 11252,1	111 3353,4	103 18230,1	255 61925,1	13 2269,3	957 124102,99	1119

Всего по 72 губерниям России	1069	77435,4	1430	95341,26	1504	371983,5	1904	80571,7	1254	110894,2	2501	361570,5	354	92474,9	12702	2003863,06	19071
Отношение к России, %	6,45	2,51	12,45	11,36	7,91	3,02	5,83	4,16	8,2	16,44	10,19	17,12	3,67	2,45	7,53	6,19	5,86

Таблица 3. Отрасли фабрично-заводского производства в губерниях КУО в 1900 г. (Центральный стататистический комитет Министерства внутренних дел, 1905, с. 282-291)

Table 3. Branches of factory production in the provinces of the Kazan Educational District in 1900 (Central Statistical Committee of the Ministry of Interior, 1905, p. 282-291)

Казанское (соединенное) промышленное училище (далее – КПУ) было учреждено 14 июня 1890 г. с целью «удовлетворить нужды края в техниках и умелых мастерах для быстро развивающейся химической и механической промышленности и строительной деятельности» (Казанское промышленное училище, 1907, с. 1). КПУ было многоуровневым учебным заведением, притом между низшими и средним училищами не было преемственности в обучении. Училище включало в свой состав: 1) среднее химико-техническое училище с 4-летним курсом обучения (открыто в 1897 г.); с 3-летним курсом обучения: 2) низшее химико-техническое училище (1899 г.); 3) низшее механико-техническое училище (1897 г.); 4) низшее строительно-техническое училище (1899 г.) (ГАРТ, 1906, л. 1; ГАРТ, 1911, л. 16об.).

Открытие таких «сложных» по организационно-финансовым усилиям училищ, как Казанское, стало возможным благодаря разгрузке казначейства пожертвованиями на организацию промышленных училищ со стороны городов, обществ и частных лиц: только за пятилетие после выхода «Основных положений» единовременные пожертвования составили 1 640 000 руб. В числе жертвователей были и власти Саратова, выделившие на устройство в городе среднего технического училища 100 000 руб. (Максин, 1909, с. 29). Впрочем, судя по примеру Саратова, такие пожертвования носили отчасти вынужденный характер. В отличие от Казани, Саратов в первоначальный план городов для открытия средних технических училищ не входил, отчего МНП недвусмысленно дало понять, что открытие там училища возможно в случае финансирования строительства здания и оборудования училища за счет

местных средств. Город смог выделить лишь участок под здание и указанные 100 000 руб., губернское земство и уездные города отнеслись к инициативе сочувственно, но средств не предоставляли. Тем не менее, в 1899 г. в Саратове все же было открыто промышленное училище (соединенное механико-техническое и химико-техническое; далее – СТУ), при том, что проект его постройки и оборудования исчислялся суммой в три раза большей, чем выделил город (Саратовское промышленное училище, 1903, с. 1-3).

Аналогичная степень общественного участия проявилась в создании Вятского среднего сельскохозяйственно-технического училища (этот вид относился к промышленным учебным заведениям, а не к сельскохозяйственным; далее – ВССХТУ), учрежденного в 1900 г. и открытого на следующий год. Инициатором его создания было губернское земство, которое согласилось выделить финансирование, в дополнение к казенному, на постройку здания училища, его содержание и стипендии ученикам. В итоге казна выделила на строительство 165 тыс. руб., земство – 50 тыс. руб., а также передало училищу инвентарь губернской фермы на 18 тыс. руб., землю с постройками – на 15 тыс. руб.; на содержание училища казна выделила 31 766 руб. в год, принимая пособие земства в 13 500 руб. в год (ГАКО, 1901, лл. 1, 16; Вятское губернское земство, 1913, т. 5, с. 478). Примечательно, что широкий состав созданной строительной комиссии, включавшей представителей казны, земства, города и учебного заведения, усилил общественный контроль расходования средств, что привело к экономии в 26,5 % от сметы (Косарев, 1911, с. 3).

«После 1904 г. в деле открытия новых промышленных училищ наступило затишье», – резюмирует И. М. Максин, видя основную причину этого неблагоприятного положения в чрезвычайных расходах на ведение войны с Японией. Ситуация была настолько сложной, что были заморожены проекты даже тех учебных заведений, потребность в которых «подтверждалась, между прочим, весьма значительными материальными пожертвованиями городов, земств и частных лиц» (Максин, 1909, с. 74-75).

В 1907 г. уже полностью вне финансирования МНП в Воткинске «открыто первое в [Вятской] губернии среднее механико-техническое училище, организованное на пожертвования и пособия земства и горнозаводского ведомства» (Русское слово, 1907, 16 октября). Процесс частно-государственного партнерства здесь был запущен через три года: в июне 1910 г. частное Воткинское среднее механико-техническое училище (далее – ВСМТУ) было преобразовано в государственное, с возложением обязательства на Вятское губернское и Сарапульское уездное земства производить «пособие казне на содержание означенного училища <...> в размере пяти тысяч рублей в год от каждого» (Вятская речь, 1910, 30 июля, с. 2). Открытие училища в Воткинске было закономерным: «в заводском районе, который занимает всю область Уральского хребта, хлебопашество почти вовсе не существует <...>. Здесь жизнь в заводах и заводских поселениях и средства к жизни дают исключительно заводские

заработки» (Чевакинский, 1914, с. 152). В Среднем и Нижнем Поволжье «горный промысел незначителен» (Чевакинский, 1914, с. 185), поэтому горных учебных заведений здесь не было.

На рубеж первого и второго десятилетий XX в. пришлось попытки открытия политехникума в Самаре, преобразования СТУ в «политехникум среднего типа» (в источнике название указано именно так, чтобы, по всей вероятности, не путать их с уже имеющимися политехникумами (политехническими институтами) – техническими вузами) с добавлением строительного и электротехнического отделений, а к 1913 г. намечалось появление среднего строительного-технического отделения и в КПУ (ГАСО, 1911-1917, лл. 24об., 45, 51, 59).

Таким образом, в четырех открытых в КУО средних технических училищах подготовка кадров была сосредоточена на химико-технической и механико-технической специальностях (по две специальности на три училища) и одна – на сельскохозяйственно-технической. Такая узкая специализация, как отмечает Л. В. Кошман, отражала «неглубокую дифференциацию машиностроения в России в это время» (Кошман, 2008, с. 353).

Коммерческие училища

В условиях недостатка государственных средств на учреждение множества школ к этому вопросу активно подключается общественность. Это была вторая, более успешная попытка становления негосударственного образования в истории России. О первой попытке пишет П. Н. Милюков:

«...школа с самого начала своего существования стала у нас вдвойне правительственной: по своему происхождению и по своему назначению. Школа готовила или для школы же или же для службы. Дворяне до освобождения от обязательной службы, духовенство и крестьяне до эмансипации – привлекались к посещению школы насильно. Для своих собственных целей те и другие предпочитали пользоваться услугами частных учителей и посылать своих детей в частную школу. Правительство вступило в борьбу с частной школой, подчинило ее своей регламентации и, в конце концов, заставило, в выгодах службы, предпочесть казенную школу частной» (Милюков, 1896-1904, ч. 2, сс. 400-401).

Именно вторая попытка в новых условиях вынудила государство дать новому нарождающемуся классу – буржуазии – свою собственную школу, ставшую в итоге вдвойне неправительственной – ни по происхождению, ни по назначению (перифраз высказывания П. Н. Милюкова). В 1892 г. министерство финансов (далее – МФ) России возглавил С. Ю. Витте, с именем которого и связано широкое развитие коммерческого образования в стране. В 1893 г. он добился передачи коммерческих училищ из ведомства МНП в ведение МФ. Решение Государственного Совета по этому вопросу аргументировалось так:

«...следует совершенно отрешиться от теоретических воззрений и, став на чисто практическую почву, задаться вопросом, в каком ведомстве будет более обеспе-

чено широкое распространение коммерческих знаний в нашем купечестве. Если держаться этой точки зрения, то приходится дать решительное предпочтение сосредоточению коммерческого образования в руках Министерства финансов» (Шепелев, 1981, с. 237).

Этому вторили и педагоги, констатировавшие, что в коммерческих отделениях реальных училищ, находящихся в ведении МНП, «положение учебно-воспитательного дела было также плохо, как и в классических гимназиях, что, конечно, давало одни и те же плачевные результаты. Молодые люди выпускались невежественными, малопригодными к жизни, к самостоятельной работе» (Великопольский, 1900, с. 38).

Будучи «первооткрывателем» коммерческих школ (первое училище возникло у нас в 1772 г. на средства П. А. Демидова), Россия к концу XIX столетия утратила свое первенство в коммерческом образовании: хотя коммерческих училищ в стране к моменту передачи их из МНП в МФ было восемь, тогда как в Германии – шесть, во Франции – четыре, но зато на Западе коммерческое образование развивалось на всех уровнях, включая низший и высший, а в России было представлено лишь средним (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, т. 15а, с. 861-863). С момента передачи коммерческих учебных заведений в ведение МФ начался их резкий количественный рост. Это определялось тем, что, во-первых, открытие коммерческих училищ стало менее формализованным, чем открытие средних школ МНП, и, во-вторых, общественная инициатива торгово-финансовых кругов в образовательной сфере пошла по пути широкой поддержки коммерческих учебных заведений, связанных с более близким им МФ. Вот как описывал этот процесс С. Ю. Витте: «Промышленники и коммерсанты стали принимать активное участие в учреждении коммерческих школ и в их управлении, давать средства на устройство и поддержание своих коммерческих училищ» (Витте, 1960, т. 2, с. 255).

В итоге вместо восьми коммерческих училищ в стране в 1894 г. в ведении МФ к 1905 г. состояло 191 коммерческое учебное заведение, включая 68 коммерческих училищ (47 – общественных и 21 – частное) (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, доп. т. 1а, с. 936). В этом числе были и учрежденные на территории КУО в 1900 г. Саратовское (далее – СарКУ) и Симбирское семи-классное (далее – СимКУ), в 1902 г. Самарское (далее – СамКУ) и в 1904 г. Казанское (далее – ККУ) коммерческие училища (Министерство торговли и промышленности, 1916, с. 3-5).

Впрочем, открытие ряда коммерческих училищ в КУО планировались гораздо раньше начала XX в. Так, уже в 1866 г. министр просвещения Д. А. Толстой, посетивший Астрахань, заговорил о необходимости открытия здесь коммерческого училища. Однако, как и в последующем в Казани, выбор был сделан в пользу реального училища, организация которого была дешевле (Герасимиди, 2011, с. 19). В итоге восьмиклассное Астраханское коммерческое училище им. К. П. Воробьева (далее – АКУ) открыло свои двери только в 1914 г.

(Астраханский губернский статистический комитет, 1915, с. 72-73). Мысль об открытии среднего коммерческого учебного заведения в Казани возникла среди казанского купечества еще в первой половине XIX в. С 1853 г. начался сбор средств, к 1873 г. их сумма достигла 117 000 руб. (Казанские губернские ведомости, 1860, 23 мая; Постников, 1898, с. 243). Однако открытие коммерческого института не состоялось – эти деньги поступили в городскую управу, но затем были употреблены на сооружение здания реального училища (Казанское коммерческое училище, 1910, с. 5-6), при котором впоследствии открылся коммерческий класс. Вопрос вновь был поднят в 1894 г., однако лишь в 1902 г. дума приняла проект устава училища (Казанская городская дума, 1895, с. 10; Казанское коммерческое училище, 1906, с. 75-76; Казанское коммерческое училище, 1916, сс. 19-21). ККУ было открыто со второй половины 1904-1905 уч. г. в составе приготовительного и первого классов в наемном помещении (ГАРТ, 1904, л. 13). По инициативе общественности в 1910 г. (ГАРТ, 1908, л. 12; ГАРТ, 1910-1912, л. 90) открылась и Казанская торговая школа (далее – КТШ).

В связи с развитием коммерческого образования 15 апреля 1896 г. было утверждено «Положение о коммерческих учебных заведениях»; в 1900 г. в него были внесены изменения. Целью коммерческих училищ объявлялось «дать учащимся общее и коммерческое образование» (Россия. Император, 1899, с. 287). Было создано учебное отделение, «учреждены должности главного и 2 окружных (с 1902 г. – 4) инспекторов по учебной части для местного надзора за коммерческими учебными заведениями», а «с учреждением 27 октября 1905 г. министерства торговли и промышленности» (далее – МТП) коммерческие учебные заведения (вместе с остальными учебными заведениями МФ, включая мореходные) перешли в ведение последнего (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, доп. т. 1а, с. 936). В новом министерстве рост их численности активно продолжился, в 1910-11 уч. г. превысив показатели 1905 г. в 2,06 раза по общему числу коммерческих учебных заведений всех уровней (394 вместо 191) и в 2,97 раза – по коммерческим училищам (202 вместо 68); существенным в доле последних был рост частных коммерческих училищ (97 вместо 21) в сравнении с общественными (105 вместо 47) (Железнов & Ковалевский, 1910-1948, т. 24, стб. 613). Я. Я. Никитинский, первый декан коммерческо-технического отделения Московского коммерческого института, так объяснял подавляющий рост коммерческих училищ, численно превосходящих торговые школы:

«...средняя коммерческая школа дает более или менее законченное реальное образование не ниже сообщаемого русскими реальными училищами, усиленное к тому же более солидно поставленным преподаванием новых языков, а потому, при весьма большом в России недостатке школ для среднего образования, естественно развитие именно средних коммерческих школ» (Железнов & Ковалевский, 1910-1948, т. 24, стб. 613).

В продолжение этой мысли он вторит выступлению С. Ю. Витте 1901 г., который полагал, что

«...торговых школ должно быть больше, чем коммерческих училищ, потому что служащих в торговом мире больше, чем хозяев предприятий, да и плата за учение, взимаемая в торговых школах, настолько мала, что не дает им возможности собственными силами стать на надлежащую высоту» (Министерство финансов. Учебный отдел, 1901-1906, вып. I, с. 46).

Образовательная программа П. А. Столыпина, направленная на расширение и дальнейшее развитие системы образования, предполагала «совместно с общественными учреждениями (земствами и городскими управами) создать единую и общедоступную образовательную сеть» (Данилевский, 2016, т. 3, с. 312), и в этом аспекте процесс вовлечения общественности в дело развития школы был куда более широким, чем при С. Ю. Витте. Конечно, он затронул и главное образовательное детище последнего – коммерческие школы. Именно на рубеж 1900–1910 гг. пришелся второй период активизации деятельности по расширению их сети в КУО. В целом он совпал с усилением общественной активности буржуазных кругов по реформе коммерческого образования и одновременной разработкой УО МТП плана развития коммерческого образования. Буржуазия в русле активизировавшейся в правительственных кругах попытки введения всеобщего начального образования и увеличения с 1908 г. его финансирования настаивала на решении самых насущных проблем коммерческой школы: увеличении государственных ассигнований, облегчении условий открытия коммерческих школ, даровании выпускникам коммерческих училищ права поступления в университет наравне с выпускниками реальных училищ, предоставлении «частным высшим коммерческим учебным заведениям соответствующих прав высших учебных заведений», уравнивании «в смысле получения пенсии, нештатных преподавателей со штатными», «объединение программ по предметам каждой категории коммерческих училищ» (выработку общего учебного плана) (РГИА, 1911-1913, лл. 1-3). Фактически был решен лишь последний из указанных запросов – в 1910 и 1914 гг. выработаны и утверждены новые программы для восьмиклассных коммерческих училищ. Планы УО МТП были сконцентрированы в основном на расширении сети коммерческих школ. Так, на территории КУО (в Астрахани и Царицыне) планировалось открыть два коммерческих училища и две одноклассные торговые школы с вечерними торговыми классами (в Сарапуле Вятской губернии и Сызрани Симбирской губернии) (РГИА, 1911-1913, лл. 7, 11-11об., 28, 33). С момента передачи коммерческого образования из МФ в ведение МТП на территории КУО возникли Вятское частное Н. Н. Алафузовой (далее – ВКУ; 1908), Балаковское (далее – БКУ; 1910), Астраханское им. К. П. Воробьева (1914), Казанское женское (преобразовано в 1914 г. из четырехклассного частного О. М. Эккерт женского училища II разряда), Царицынское городское (1915) коммерческие училища (Министерство торговли и промышленности, 1916, с. 2, 64; Хайруллин, Черняк, 2007, с. 48).

Сеть коммерческих училищ, в отличие от всех остальных видов средних профшкол, охватила все губернии округа. Коммерческая школа стала настолько массовым явлением, что местные газеты стали терять интерес к актам открытия новых учебных заведений и вместо многостраничных репортажей с подробным описанием ко второму десятилетию XX в. стали ограничиваться короткими заметками, наподобие этой: «Новое коммерческое училище. 29 августа [1910 г.] в с. Балаково состоялось открытие коммерческого училища» (Самарский Вестник, 1910, 5 января, с. 4).

Причина столь бурного роста коммерческих училищ лежит не только в недостатке средних общеобразовательных школ, особенно тех, что были приноровлены «к требованиям местной жизни». Хотя подобный тезис звучал на местах «сплошь и рядом», он подвергался объективной и часто вполне заслуженной критике. «Коммерческие училища часто основывались в городах и местностях, где не было явной потребности в среднем коммерческом учебном заведении только потому, что министерство народного просвещения не могло или не хотело там учредить среднего общеобразовательного учебного заведения». Однако там, где существовали «настоящие коммерческие училища, основанные купечеством или для купечества», на них оно «смотрит, точно также, как дворянство на исключительно дворянские учебные заведения» (Фишер, 1909, с. 16). Впрочем, отправлять детей на учебу в другие города было накладно, равно и рискованно было лишать их родительского надзора (Саратовское коммерческое училище, 1901, с. 3 приложения).

Распространению коммерческой школы в КУО способствовала широко развитая торговля. Даже в Приуралье «торговля <...> очень обширна. Развитию ее способствует горнозаводская промышленность и избыток произведений сельского хозяйства» (Чевакинский, 1914, с. 156); соединяясь через Каму с Волгой торговля Приуралья объединяется с Поволжьем, в экономике которого ей «принадлежит очень важная роль. Она образовала многочисленное богатое купечество» (Чевакинский, 1909, с. 187). Буржуазия, и это заметно по абсолютному большинству касающихся данного вопроса источников, полагала осуществлять полноценное руководство школой через самостоятельный руководящий орган школьного управления – попечительный совет, наделяя его абсолютным всесилием в рамках школы. Одновременно подчеркивалось множество преимуществ коммерческих училищ в сравнении с традиционной средней школой МНП, а именно – приобретение наряду с общим средним образованием широких специальных познаний, с которыми выпускники «получают возможность самостоятельного заработка» не только в торговой сфере, но и в работе на широкий круг предпринимателей, на государственной службе, в местном самоуправлении; государственно-общественный характер управления такими школами через попечительные советы, которые имели «возможность следить за соответствием обучения жизни, <...> принимать меры против плохой постановки преподавания и иных каких-либо неустройств»;

ненужность изучения «мертвых языков», отнимающих массу учебного времени; для небольших городов – и исключение за счет подобных школ миграции молодежи, которая «останется на местах, работая в делах местных» и т. п. (ГАУО, 1900, лл. 2-2об.; Заволжье, 1914, 23 мая, с. 1). Примечательно не только деятельное участие буржуазии в создании, финансировании и управлении коммерческой школой, но и то, с каким упорством она отстаивала интересы своих школ. Когда в декабре 1906 г. Саратовская городская дума инициировала – в том числе через П. А. Столыпина – кандидатуру города для перевода сюда Варшавского университета, местное купеческое общество отказалось предоставить для него построенное им здание коммерческого училища. «Последнее было его гордостью, любимым детищем <...>, а потому купеческое собрание предпочитало свое училище университету и наотрез единогласно отклонило просьбу города о временном предоставлении здания училища под университет» (Волков, 2015, с. 51-52).

Учебные заведения водного транспорта

Своеобразным было создание сети речных училищ, нацеленных на подготовку лиц, «намеревающихся посвятить себя службе на судах внутреннего плавания» (Россия. Император, 1904, с. 607). Предпосылкой ее развития стал рост речного флота: за 20 лет после отмены крепостного права число пароходов выросло в два с половиной раза, а к 1913 г. на внутренних водных путях курсировало свыше 5,5 тыс. паровых и дизельных судов и 24 тыс. несамостоятельных судов; при этом рост речного пароходства в России существенно опережал рост морского (Кузьмин, 1972, с. 26; Гуськов, 1967, с. 5; Морев, 1900, с. 101). Власти пытались упорядочить движение беспрестанно возрастающей флотилии по речным путям: например, в 1867 г. вводятся «Правила для плавания судов», в 1878 г. – «Правила обстановки рек и озер предостерегательными судоходными знаками» (Шалагин, 1973, с. 5). Однако распространение парового флота настоятельно требовало квалифицированной рабочей силы. Рост скорости судов, их мощности и грузоподъемности усложняли управление судовыми механизмами и системами: требовались не только опыт, смекалка и находчивость, но и специальные знания лоции, гидрологии, устройства машин, коммерции и права. Управление большим паровым судном не могло быть доверено капитанам (в основной массе не образованным) непаровых судов.

В 1882 г. министр путей сообщения в письме к министру финансов отметил, что отсутствие учебных заведений водного транспорта плохо влияло на судоходство и торговлю (Батышев, 1981, с. 122), особенно в ситуации, когда торговый флот империи был шестым в мире (на 1898 г.) по своей вместимости и провозоспособности (Морев, 1900, с. 85-86). Однако в России конца XIX в. лишь три учебных заведения готовили командные кадры для речных судов –

Нижегородское (открыто в 1887 г.), Рыбинское (преобразовано из мореходных классов; 1889 г.) и Благовещенское речные училища (1889 г.) (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, доп. т. 2а, с. 563), которые были не в состоянии обеспечить флот квалифицированными кадрами. В 1901 г. капитанов со специальным образованием было всего 410 человек (21,8 % от общего числа), причем из них окончили именно речные училища – 52 (2,7 %) (Казанское речное училище, 1905, с. 23-24).

«Немногим лучше обстояло дело с кадрами и на морском флоте» (Кузьмин, 1972, с. 26). Однако вопрос развития морского торгового флота и подготовки для него кадров накануне Великих реформ являлся куда более насущным, чем речного флота. Это значение вспомогательного флота в Крымской войне морское министерство признало в апреле 1856 г., а в 1867 г. были изданы «Положение о мореходных классах», специальные правила о признании шкиперских и штурманских званий и испытаниях на эти звания. За следующие пять лет было открыто семь мореходных классов; с созданием в 1873 г. Общества для содействия русскому торговому мореходству ситуация улучшилась: вплоть до 1881 г. (передача классов из ведения МФ в МНП) было открыто еще 27 учебных заведений (Барбашев, 1959, с. 161, 163-164, 166). Мореходные классы стали первым видом профессиональных учебных заведений, к массовому созданию которых была законодательно допущена, по «Положению» 1867 г. (с возможностью государственного софинансирования), и действительно приложила свои силы буржуазия. В Астрахани мещанское общество учредило мореходный класс для подготовки штурманов каботажного плавания в 1876 г., принимая туда всех грамотных юношей (Трещев & Алферова, 2011, с. 146).

С развитием парового флота мореходные классы все более переставали удовлетворять требованиям торгового мореплавания, к тому же в их организации все более явственно проявлялись серьезные недостатки, в числе которых были: слабость материально-финансовой базы; нехватка или полное отсутствие учебников соответствующего ученикам уровня; неопределенное материально-правовое положение персонала и его недостаточная профессиональная или педагогическая подготовка, особенно важная в силу большого числа предметов, ложившихся на плечи одного-двух преподавателей; игнорирование требований к общеобразовательной подготовке абитуриентов и их практическому стажу; отсутствие четких учебных планов и даже сроков обучения, которые сказались на индивидуализации обучения взамен более эффективной коллективной работы; низкое качество образования, и, наконец, безразличное отношение к мореходным классам со стороны МНП, коему они были отданы в ведение на 17 лет, за которые было открыто всего три класса, но при этом закрыто пять (Виноградов, 1912, с. 27; Барбашев, 1959, с. 165, 167-170; Кузьмин, 1971, с. 137-143). В этой связи мореходные классы с 1898 г. вернулись в ведение МФ, для надзора за ними были введены два инспектора, в 1903 г.

появилось учебное отделение в составе отдела торгового мореплавания, а с 1905 г. мореходные училища и школы перешли в ведение МТП (Арсеньев & Петрушевский, 1890-1907, доп. т. 2, с. 207; Барбашев, 1959, с. 200, 204), повторив, таким образом, путь коммерческих учебных заведений от МНП в МФ, а затем – в МТП.

Определяющим для училищ водного транспорта стал 1902 г., когда вышло сразу два положения – о мореходных учебных заведениях (6 мая) и о речных училищах (10 июня). В июле 1903 г. Астраханские мореходные классы были преобразованы в Астраханское мореходное училище малого плавания (далее – АМУ; впоследствии – дальнего плавания) (РГИА, 1909, л. 2; Трещев & Алферова, 2011, с. 147). Насущность этого преобразования связана с ростом парового флота на Каспии, имевшемся всего в двух портовых городах, с 1873 по 1898 гг. увеличившегося в 15 раз по числу судов и в 24 раза – по вместимости, тогда как на других морях он возрастал медленнее (Морев, 1900, с. 87). По оценке Н. И. Барбашева, «новая система мореходного образования ликвидировала многие прежние недочеты» (Барбашев, 1959, с. 201). Одновременно активизировалась и Казань, занимавшая «центральное положение в волжском бассейне, как первоклассный речной порт, привлекающий к себе исключительно пароходы крупной грузоподъемности», весьма нуждавшаяся в учебном заведении, которое «подготавливало бы всесторонне знающих дело судоходства техников, могущих управлять пароходами и большими караванами» (Волжский листок, 1904, январь, с. 3). К тому же более 50 % учащихся в Рыбинском и Нижегородском речных училищах составляли жители Казанской губернии, и до 30 % учащихся давал Камский бассейн (Черепанов, 1904, с. 2; Волжский листок, 1904, январь, с. 3). Важность Волжского бассейна заключалась в том, что на Волгу приходилось 51,7 % перевозимых грузов, 36,3 % непаровых судов вместимостью 63,7 % и 55 % паровых судов вместимостью 58,5 % от всего речного флота Европейской России (Морев, 1900, с. 102-103).

В 1903 г. Казанское Биржевое собрание согласилось ежегодно выделять на новое учебное заведение 500 руб., а судовладелец С. А. Землянов обещал ассигновать 20 000 руб. на сооружение здания училища. В 1904 г. Казанская городская дума условилась ежегодно выделять 2 000 руб. училищу и бесплатно выделила ему землю (Казанское речное училище, 1905, с. 3). Инициатор создания училища М. В. Черепанов «широким жестом» заявил о готовности заведовать училищем и преподавать бесплатно, вплоть до обзаведения учебного заведения достаточными средствами (РГИА, 1904, л. 26). Городской голова Р. Ф. Николаи ходатайствовал перед министерством путей сообщения (далее – МПС) о разрешении открыть Казанское речное училище (далее – КРУ). Разрешение министра было получено в середине августа, но с оговоркой, что училище «впредь до окончательного выяснения средств, обеспечивающих его содержание, согласно штатам речных училищ, будет функционировать как частное учебное заведение» (Казанское речное училище, 1915, с. 2). УО МПС

нашел возможным устроить его «по типу перворазрядных речных училищ», но без предоставления соответствующих прав и преимуществ самому учебному заведению, служащим и учащимся (РГИА, 1904, л. 38). В июне 1904 г. началось строительство здания училища по проекту и под контролем М. В. Черепанова, а уже 22 октября состоялось официальное открытие училища (Казанское речное училище, 1905, с. 4, 6). Вопрос о содержании на средства казны КРУ (с соответствующим преобразованием в государственное учебное заведение) был решен в июне 1909 г. выделением из казначейства 7 620 руб. в год на его содержание и одновременным «обращением в доход казны взносов местных общественных учреждений, составляющих 3 250 руб.» (РГИА, 1906-1911, л. 6об.). Государство в лице ответственного ведомства сразу же напомнило последним об их финансовом долге, например, Симбирскому губернскому земству о 125 руб. в текущем 1909 г. и 250 руб. – с 1910 г. Примечательно, что губернская земская управа в том же 1909 г. отказала в субсидии СимКУ, сославшись на то, что взяла за принцип «оказывать пособия учебным заведениям только на строительные нужды» (ГАУО, 1909, л. 2; ГАУО, 1908-1909, л. 16). Всего до 1917 г. подготовку кадров со средним профобразованием для речного флота осуществляли шесть речных училищ – в Нижнем Новгороде, Рыбинске, Казани, Перми, Вологде и Благовещенске-на-Амуре (Гуськов, 1967, с. 5).

Второе в рамках КУО – Орловское речное училище второго разряда (далее – ОРУ) – было открыто уже изначально на законодательном уровне по системе государственно-общественного софинансирования 1 июля 1911 г. Закон о его учреждении предусматривал ежегодное выделение из казначейства 4 956 руб. и по 1 000 руб. – от Вятского губернского и Орловского Вятской губернии уездного земств (РГИА, 1911, лл. 1-1об.).

Переформатирование мореходного класса в училище малого плавания в Астрахани также производилось за счет софинансирования: сначала городская дума постановила выделять на училище ежегодно 3 290 руб. и отдать под него помещение бывшего мореходного класса, через полтора месяца согласившись увеличить эту сумму на тысячу вследствие неверного понимания разницы сумм. Дело в том, что дума вообще могла не тратить эти средства, поскольку в Астрахани планировалось открыть за счет казны двухклассную мореходную школу, но она ратовала за повышение статуса учебного заведения, поэтому и согласилась оплачивать разницу в содержании школы (2 470 руб.) и училища (6 760 руб.) (РГИА, 1902-1916, лл. 4, 7, 24, 48).

Статистические параметры формирования школьной сети

Анализ статистики и динамики создания профессиональных школ в КУО показал:

1. Существенную долю (от общего количества по империи) средних сельскохозяйственных учебных заведений и их наиболее раннее открытие.

К началу XX в. три сельскохозяйственных училища КУО составляли 33,33% от всех общесельскохозяйственных средних учебных заведений страны и 23,07 % – от всех средних сельскохозяйственных, но к 1915 г. их доля упала до 16,66 % ввиду отсутствия вновь открытых учебных заведений (Министерство земледелия и государственных имуществ, 1898-1916, вып. VIII, с. 2 статистических таблиц; Главное управление землеустройства и земледелия. Департамент земледелия, 1912-1915, вып. 4, с. II). При этом доля профессиональных сельскохозяйственных школ (средних и низших) в округе относительно страны была меньше – 8,74 % (табл. 2), что могло обуславливаться малым числом низших сельскохозяйственных школ в губерниях, имеющих средние сельскохозяйственные школы. Так, в Казанской, Самарской и Саратовской губерниях доля сельскохозяйственных учебных заведений составляла 5,82 % от общего числа профессиональных школ, а в неимеющих земледельческих училищ остальных трех губерниях КУО – 11,72 % (табл. 2).

2. Высокую долю (от общего количества по империи) средних технических училищ: к моменту открытия последнего в КУО ВСМТУ четыре средних технических училища КУО составляли 16 % от общего их числа в стране (Максин, 1909, с. 105). При этом доля технических учебных заведений КУО (вместе с низшими) составляла на 1910 г. лишь 3,7 % от общего их количества по империи (табл. 2), что, вероятнее всего, связано с отсутствием самостоятельных низших технических училищ в губерниях округа (три низших училища входили в состав КПУ). Это определяет аналогичную сельскохозяйственному образованию тенденцию: при наличии в регионе средних профессиональных учебных заведений численность низших профессиональных школ этого типа была существенно ниже, чем в регионах, не имеющих СПШ. Однако низкую долю технических училищ КУО восполняла высокая численность ремесленных училищ, составлявших 14,14 % от числа ремесленных училищ страны (табл. 2). В силу того, что ремесленные училища были общественными или частными учебными заведениями, доля расходов общества и частных лиц КУО на них была выше, чем по стране: этим частично определялся следующий показатель по численности коммерческих училищ, а именно, общественных и частных учебных заведений.
3. Слабое и позднее развитие среднего коммерческого образования. Семь коммерческих училищ КУО на начало 1914 г. составляли 3,41 % от общего их числа (205) по стране (Министерство торговли и промышленности, 1916, сс. 46-49, 90-92); к 1910 г. доля коммерческих учебных заведений КУО (средних и низших) от общего по стране была также невысока – 4,28 %, (табл. 2). Большинство коммерческих учебных заведений концентрировалось на западе империи и в столичных регионах. Значительный

рост коммерческих училищ в КУО пришелся на начало XX в. (в 1900-1904 гг. были открыты первые четыре училища) и на 1914-1915 г., когда их численность возросла в полтора раза (табл. 1).

4. Чуть выше была доля судоводительских учебных заведений в КУО: от общей численности по стране она составляла 4,76 % (табл. 2), поскольку, несмотря на существенную (от показателей по империи) долю присутствия в округе речных училищ, в нем имелось лишь одно мореходное учебное заведение из 46 по империи (Виноградов, 1912, с. 80).
5. По профилю в общей численности профессиональных школ КУО на 1910 г. наиболее высокую долю составляли ремесленные училища (81,43 % от всех профессиональных учебных заведений КУО, аналогичный показатель по стране – 63,33 %); сельскохозяйственные учебные заведения составляли 8,98 % (по стране – 11,29 %), а в Оренбургском учебном округе, не имевшем средних сельскохозяйственных учебных заведений, – 16,53 %; коммерческие (4,79 %, тогда как в Оренбургском – всего 0,79 %, по стране – 12,28 %, а в Варшавском учебном округе – 31,79 %), технические (0,9 %, по стране – 2,66 %, в соседнем Оренбургском округе – 4,7 %) и судоводительские (0,6 %, по стране – 1,38 %, Оренбургский округ их не имел вовсе) (Министерство торговли и промышленности, 1910, ч. 2, с. 8-13, 14-15) (табл. 2).

Профессиональная школа в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны, несмотря на практически полную остановку открытия новых учебных заведений (в 1914 г. было открыто два, в 1915 г. – одно, притом все – коммерческие училища), профессиональные школы округа стали пристанищем для эвакуированных из западных губерний учебных заведений и отдельных учеников. Так, в 1915 г. в стенах КПУ разместилось Виленское среднее химико-техническое училище, а в помещениях САРУ – мужская гимназия из польского города Петрокова; коммерческие училища массово принимали учеников из аналогичных учебных заведений западных губерний, многие из которых были иудейского вероисповедания (Максимов & Тотфалушин, 2007, с. 51; ГАСО, 1915, лл. 40, 41, 43, 44).

Министр народного просвещения П. Н. Игнатъев дал четкую характеристику развития образования в стране в годы войны: «Настала и война, задержавшая всю культурную работу в стране» (Игнатъев, 2000, с. 59). С его именем связана пришедшаяся на этот период последняя в истории имперской России крупная реформа образования, включая профессиональное. Практически одновременно, в 1915-1916 гг., в Государственную думу подали проекты реформ профессионального образования сразу три министерства – МНП, МТиП, МПС. П. Н. Игнатъев, в должности товарища министра земледелия начав еще в 1913 г.

с проведения Межведомственного совещания по развитию сельскохозяйственного образования, высказавшегося за увеличение числа сельскохозяйственных школ, после своего назначения на министерский пост в 1915 г. расширил роль родительских комитетов и педагогических советов, ликвидировал балльную систему оценки и экзамены (переводные и выпускные) и начал подготовку реформы системы образования. «Конечно, первая моя задача была поставить высшую школу в определенное положение, затем техническое образование» (Щеголев, 1926, т. 6, с. 3). Планировалась и реформа управления школой на принципах усиления государственно-общественных начал и демократизации (Цирульников, 1992, с. 8).

В августе 1915 г. было создано межведомственное Совещание по реформе профессионального образования и согласованию действий всех ведомств под председательством П. Н. Игнатьева. В январе и феврале 1916 г. МНП и МТП предложили два проекта реформ, 23 февраля того же года создан Всероссийский совет по делам профессионального образования, однако условия войны и сопротивление политике Игнатьева со стороны правых задержали проведение реформы. В итоге указанный совет собрался лишь раз, 16 ноября 1916 г., заслушав план и проект реформы (Кузьмин, 1971, с. 32-35; Батышев, 1981, с. 68-70), а уже 27 декабря 1916 г. П. Н. Игнатьев был освобожден от поста министра.

Подготовленный им проект, доработанный под руководством министра народного просвещения А. А. Мануйлова, был принят частично и с некоторыми изменениями Временным правительством 30 мая 1917 г. Проект предусматривал разделение профессиональных учебных заведений на три типа – мужские, женские и смешанные; установление казенных стипендий в казенных профессиональных учебных заведениях; введение четырехлетнего курса обучения в технических училищах и, после трехлетней успешной работы по специальности, право на получение звания инженера (Вестник Временного правительства, 1917, 31 мая (13 июня), с. 3). В дальнейшем ряд идей П. Н. Игнатьева был использован советской властью, в частности, предложение о подчинении всех профессиональных учебных заведений МНП, однако сам П. Н. Игнатьев считал, что большевики, использовав «всю внешнюю структуру намеченных изменений, многие основные реформы номинально приняли, придав им совершенно превратный, искаженный характер» (Игнатьев, 2000, с. 52).

Выводы

Рассматривая образование в качестве фактора экономической модернизации, опирающегося на человеческий капитал более широких слоев населения, власть в позднеимперский период пошла на самостоятельное создание средних профессиональных школ, одновременно ограждая этим способом

классическую общеобразовательную школу от разночинного элемента. Смена консервативных и реформистских доминант во власти не меняла в целом этого объединенного социально-экономического аспекта, обеспечивая рост числа профессиональных школ, лишь перераспределяя внимание на развитие определенных типов учебных заведений в соответствии с их ведомственной принадлежностью и на основе социально-экономических приоритетов.

Узаконенная в качестве нового механизма стратификации, институция образования становилась все более востребованной. Ее консервативная модернизация изменяла и структурировала обновленные реалии социального пространства, перестраивая классовое и культурное неравенство путем сегментации среднего образования и получившего от этого импульс развития начального профессионального образования.

В условиях необходимости проведения комплексной модернизации страны, существенно увеличивавшей финансовые объемы государственного участия во всех сферах и требовавшей принципиально новых человеческих ресурсов для экономического рывка, государство, путем перехода к партнерско-отеческому взаимодействию с активизировавшимся обществом, пытаясь сохранить его инициативу в приемлемых для себя рамках, радикально перестраивает императив развития образования с традиционного на модернистский, стирая противоречия между старым и новым средним классом через сближение среднего общего и профессионального образования, изменение контуров образовательной программы через усиление внимания к ее естественной, технической и управленческой составляющим и создание принципиально иной по содержанию и организации школы, что привело к существенному количественному росту профессиональных школ.

Таким образом, становление средней профессиональной школы, инспирированное государством, происходило под влиянием потребности экономического развития, преодоления зависимости и отставания от Запада и выступало как способ социальной образовательной сегментации. Усиление темпов модернизации определило привлечение новых агентов развития школы и широкое государственно-общественное взаимодействие в сфере образования, социально-образовательную мобильность, рост численного состава школ. Возрастание значимости профессионального образования обусловило передачу части общественных школ государству и повышение доли государственного финансирования. Вместе с созданием школ на основе смешанной формы собственности это свидетельствовало об усилении стремления буржуазии оказывать влияние на политику.

В рамках Казанского учебного округа появились и функционировали все распространенные типы школ, готовившие кадры для экономики, с достаточно пестрым по составу ученическим составом, всех форм собственности. Процесс развития российского образования на рубеже XIX-XX вв. уже приобрел качественно новую специфику: стали отчетливо проявляться его единые

тенденции, что позволяет частично экстраполировать полученные данные на развитие ряда процессов, протекавших в профессиональном образовании в масштабе всей страны. С другой стороны, административно-территориальная локализация позволяет нам выявить специфические региональные особенности, поскольку КУО, охвативший губернии Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья, представлял собой яркий пример переходного исторического пространства, специфические характеристики системы среднего профессионального образования которого определили дальнейшее развитие средней профессиональной и высшей школы в регионе.

В структурном отношении региональная специфика характеризовалась тесной связью с местной экономической географией, что обусловило высокую концентрацию в КУО земледельческих училищ и значимое присутствие технических училищ, развивавшихся на государственных и государственно-общественных началах. Водные пути стали основой для открытия двух речных училищ, несмотря на наличие подобных учебных заведений в близлежащих Нижнем Новгороде и Рыбинске. В совокупности с ростом торговли это обеспечило развитие коммерческого образования, представленного значительно большим числом учебных заведений, нежели в соседнем Оренбургском учебном округе. Географические условия региона определили полное отсутствие горных и единственный пример лесных учебных заведений. Развитие в местных губерниях объединений промышленников и предпринимателей обусловили превалирование в негосударственном секторе общественных учебных заведений над частными. Территориальное расположение КУО и меньшая плотность населения сказались на замедлении расширения сети школ, в сравнении с западными и центральными регионами Европейской России.

Список литературы

- Bowles, S., & Gintis, H. (1976). *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life*. Basic Books, Inc.
- Cherkasov, A. A., Bratanovsky, S. N., Ponomareva, M. A., & Zimovets, L. G. (2021). The System of Popular Education in Denmark in the 19th and Early 20th centuries: Some Specific Aspects. *European Journal of Contemporary Education*, 10(2), 509–516. <https://doi.org/10.13187/ejced.2021.2.509>
- Cherkasov, A. A., Bratanovsky, S. N., Zimovets, L. G., & Koroleva, L. A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*, 10(3), 790–798. <https://doi.org/10.13187/ejced.2021.3.790>
- Deane, Ph. (1979). *The first industrial revolution (2nd ed.)*. Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511622090>
- Jesien, W. (1917). Secondary agricultural schools in Russia. In *Department of the Interior. Bureau of Education (Bulletin. № 4)* (pp. 1–22). Government printing office. <https://doi.org/10.5962/bhl.title.35049>

- Lieven, D. (2006). *Cambridge History of Russia: Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521815291>
- West, E. (1975). *Education and the industrial revolution*. Batsford.
- Аминов, Т. М. (2014). Система профессионального образования в регионах дореволюционной России (на примере Башкирии). *Вопросы образования*, 3, 244–263. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-244-262>
- Анопов, И. А. (1891). *По вопросу об открытии промышленных училищ; Отчет о командировке в 1890 г.* Типография В.С. Балашева.
- Арсеньев, К. К., & Петрушевский, Ф. Ф. (1890–1907). *Энциклопедический словарь* (Тт. 1–86). Типо-Литография И.А. Ефрона.
- Астраханский губернский статистический комитет. (1915). *Вся Астрахань и весь Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губернии на 1915 год*. Первая губернская типография.
- Барбашев, Н. И. (1959). *К истории мореходного образования в России*. Издательство Академии наук СССР.
- Бардин, И. П. (1968). *Воспоминания*. Издательство Академии наук СССР.
- Батышев, С. Я. (Ред.). (1981). *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР*. Педагогика.
- Белецкий, И. (1889). *Краткий исторический очерк двадцатипятилетия Казанского земледельческого училища ведомства Министерства государственных имуществ*. Типография Императорского университета.
- Великопольский, А. А. (1909). *Записки педагога*. Общественная польза.
- Вестник Временного правительства*. (1917, май 31).
- Виноградов, В. В. (1912). *Торгово-мореходное образование в России*. Типография В. Киршбаума (отд.).
- Витте, С. Ю. (1960). *Воспоминания* (Тт. 1–3). Соцэкгиз.
- Внутреннее обозрение. Преобразование земледельческих училищ. (1878). *Вестник Европы*, 4(8), 727–737.
- Внутреннее обозрение. Речь г. Министра финансов в заседании комиссии по упорядочению хлебной торговли. (1899). *Вестник Европы*, 2, 786–792.
- Волжский листок*. (1904).
- Волков, М. Ф. (2015). *История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки*. Новый ветер.
- Вятч. (1901). *Сельскохозяйственное училище в Вятке*. *Мир божий*, 11, 24–26.
- Вятская губернская земства. (1913). *Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год: Сессии 26–45 (1892–1913 гг.): Народное образование*. Типография и хромолитография Шкляевой.
- Вятская речь*. (1910).
- Герасимиди, Е. И. (2011). Роль купечества в развитии образования в Астрахани в XIX в. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1(26), 17–21.

- Главное управление землеустройства и земледелия. (1912). *Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1911 год*. Типография «Сельского Вестника».
- Главное управление землеустройства и земледелия. Департамент земледелия. (1912-1915). *Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям (Вып. 2-4)*. Типография В.Ф. Киришбаума.
- Государственная канцелярия. (1905-1907). *Сборник узаконений об учебных заведениях, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения (Вып. I-II)*. Государственная типография.
- Государственный архив Кировской области (ГАКО). (1901). Ф. 219. Оп. 1. Д. 25.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). (1904). Ф. 120. Оп. 1. Д. 1.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). (1906). Ф. 121. Оп. 1. Д. 459 а.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). (1908). Ф. 312. Оп. 1. Д. 1.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). (1910-1912). Ф. 312. Оп. 1. Д. 10.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). (1911). Ф. 121. Оп. 1. Д. 607.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (1911-1917). Ф. 254. Оп. 1. Д. 249.
- Государственный архив Саратовской области (ГАСО). (1915). Ф. 252. Оп. 1. Д. 79.
- Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). (1860). Ф. 128. Оп. 2. Д. 27.
- Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). (1900). Ф. 46. Оп. 2. Д. 60.
- Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). (1908-1909). Ф. 46. Оп. 2. Д. 410.
- Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). (1909). Ф. 46. Оп. 2. Д. 447.
- Гросул, В. Я. (Ред.). (2000). *Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. Прогресс-традиция*.
- Грузов, Н. Г. (1897). *Речь директора Казанского промышленного училища Н.Г. Грузова, произнесенная на акте открытия училища 10 сентября 1897 г.* Типография губернского правления.
- Гуськов, Г. В. (Ред.). (1967). *Речные училища и техникумы. К 50-летию Октября*. Газетно-журнальное издательство Татарского обкома КПСС.
- Данилевский, И. Н. (Ред.). (2016). *Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. (Тт. 1-4)*. РОССПЭН.
- Днепров, Э. Д. (2011). *Российское образование в XIX – начале XX века (Тт. 1-2)*. Мариос.
- Ерошенко, А. В., & Трофимова, Л. Н. (2020). Развитие инженерного образования в СССР с 1917 по 1945 годы (исторический аспект). *Russian Journal of Education and Psychology*, 11(5), 57-66. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2020-5-57-66>
- Жарова, Е. Ю. (2021). Профессора естественных отделений российских университетов 1850-60-х гг. И «вторичный импорт» науки. *Современные исследования социальных проблем*, 13(4), 53-77. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-53-77>
- Железнов, В. Я., & Ковалевский, М. М. (Ред.). (1910-1948). *Энциклопедический словарь товарищества «Братьев А. и И. Гранат и К°» (Тт. 1-58)*. Товарищество «Братья А. и И. Гранат и К°». Заволжье. (1914).

- Игнатъев, П. Н. (2000). Очерк о русской школе. Педагогика, 2, 52–59.
- Казанская городская дума. (1895). Доклад комиссии, избранной Казанской Городской Думой для обсуждения вопроса об учреждении в г. Казани коммерческого училища в связи с преобразованием реального училища. 2 марта 1895 г. Типография губернского правления.
- Казанские губернские ведомости. (1860).
- Казанские губернские ведомости. (1872).
- Казанское коммерческое училище. (1906). Годовой отчет семиклассного Казанского коммерческого училища ведомства Министерства торговли и промышленности за 1905–1906 учебный год. Лито-типография И.Н. Харитоновна.
- Казанское коммерческое училище. (1910). Заявление попечительного совета Казанского коммерческого училища в Казанскую городскую думу. Типо-литография Окружного штаба.
- Казанское коммерческое училище. (1916). Десятилетие Казанского коммерческого училища. 1905–1915. Казанское коммерческое училище.
- Казанское промышленное училище. (1907). Краткие сведения о Казанском промышленном училище и условия приема. Типо-литография Императорского Университета.
- Казанское речное училище. (1905). Отчет по учебно-воспитательной и материальной части Казанского речного училища за 1904–1905 учебный год. Казанское речное училище.
- Казанское речное училище. (1915). Очерк десятилетней деятельности Казанского речного училища 1-го разряда. Волжско-Камская печатня.
- Казанское среднее сельскохозяйственное училище. (1913). Сведения о Казанском среднем сельскохозяйственном училище и правила для поступления в него. Электрическая типография.
- Кинд, В. А. (1916). Пути и формы распространения профессиональных знаний. Типография железно-дорожного издательства.
- Книга, М. Д. (2018). Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.) [Диссертация доктора исторических наук]. Воронежский государственный педагогический университет.
- Косарев, С. (Ред.). (1911). Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нем ремесленная школа: Краткий исторический очерк за 1 десятилетие. 1901–1911 гг. Типо-литография М.М. Шкляевой, бывшая Маишеева, Куклина и Красовского.
- Кошман, Л. В. (2008). Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. РОССПЭН.
- Кузьмин, Н. Н. (1971). Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Южно-Уральское книжное издательство.
- Кузьмин, Н. Н. (1972). Низшее и среднее специальное образование в России [Автореферат диссертации доктора педагогических наук]. Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
- Максимов, Е. К., & Тотфалушин, В. П. (2007). Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Научная книга.

- Максин, И. М. (1909). *Очерк развития промышленного образования в России 1888-1908*. Издание отдела промышленных училищ министерства народного просвещения, типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы.
- Мартынов, П. Л. (1898). *Город Симбирск за 250 лет его существования: Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске*. Симбирская губернская ученая архивная комиссия.
- Милюков, П. Н. (1896-1904). *Очерки по истории русской культуры* (Ч. 1-3). Редакция журнала «Мир божий» (Типография И.Н. Скороходова).
- Министерство земледелия и государственных имуществ. (1898-1916). *Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию* (Вып. 1-18). Типография В. Демакова.
- Министерство народного просвещения. Отдел промышленных училищ. (1909). *Основные положения о промышленных училищах 7 марта 1888 г. В Средние технические училища. Низшие технические училища*. Издание отдела промышленных училищ Министерства народного просвещения.
- Министерство торговли и промышленности. (1910). *Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России* (Ч. 1-2). Типография А.В. Орлова.
- Министерство торговли и промышленности. (1916). *Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1913-1914 учебный год*. Типография А.В. Орлова.
- Министерство финансов. Департамент торговли и мануфактур. (1896). *Фабрично-заводская промышленность и торговля России: С приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской Империи* (2-е изд.). Типография И. А. Ефрона.
- Министерство финансов. Учебный отдел. (1901-1906). *Материалы по коммерческому образованию* (Вып. I-V). Типография и литография В.В. Комарова.
- Молчанова, В. С., Баланюк, Л. Л., Видищева, Е. В., & Потапова, И. И. (2019). Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803-1917 гг. (На примере Кубанской области). Часть 1. Былые годы, 53(3), 1049-1058. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.3.1049>
- Морачевский, В. В. (Ред.). (1914). *Агрономическая помощь в России*. Департамент земледелия.
- Морев, Д. Д. (1900). *Очерк коммерческой географии и хозяйственной статистики России сравнительно с другими государствами* (6-е изд.). Типография М.М. Стасюлевича.
- Никонов, А. А. (1995). *Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.)*. Энциклопедия российских деревень.
- Плодовский, П. И. (Ред.). (1912). *Самарское среднее сельскохозяйственное училище и его хозяйство* (Ч. 1). Земская типография.
- Постников, Н. Н. (Ред.). (1898). *Систематический сборник постановлений Казанской городской думы за 22 года (с 1871 по 1892 включительно)*. Казанская городская управа.
- Рингер, Ф. (2008). *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933*. В *Новое литературное обозрение*.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1902-1916). Ф. 95. Оп. 14. Д. 272.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1904). Ф. 231. Оп. 1. Д. 2185.

- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1906-1911). Ф. 231. Оп. 2. Д. 225.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1909). Ф. 95. Оп. 14. Д. 429.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1911-1913). Ф. 25. Оп. 5. Д. 124.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1911). Ф. 231. Оп. 1. Д. 2692.
- Россия. Император. (1874). Положение о землемеро-таксаторских классах 9 апреля 1860 г. В *Сборник законов межевых* (с. 393-402). Издание Н. А. Дементьева.
- Россия. Император. (1899). Положение о коммерческих учебных заведениях 15 апреля 1896 г. В *Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 3-е: Т. XVI* (с. 281-288). Государственная типография.
- Россия. Император. (1904). Положение о речных училищах ведомства путей сообщения; Штаты речных училищ Ведомства путей сообщения 10 июня 1902 г. В *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: Т. 22. Книга 1* (с. 607-610). Государственная типография.
- Русское слово. (1907, октябрь 16).
- Самарский Вестник. (1910, январь 5).
- Саранцев, И. П. (2007). *Очерки истории профессионального образования Симбирского-Ульяновского края* (Ч. 1-2). ООО «Регион-Инвест».
- Саратовское коммерческое училище. (1901). *Отчет Саратовского коммерческого училища за 1900-1901 учебный год*. Паровая типо-литография Г. Х. Шельгорн и К°.
- Саратовское промышленное училище. (1903). *Саратовское промышленное училище (соединенное среднее механико- и химико-техническое). 1899-1903*. Типо-литография П. С. Феокритова.
- Семенов, В. П. (Ред.). (1899-1914). *Россия: Полное географическое описание нашего отечества* (Тт. 1-19). Издание А.Ф. Девриена.
- Танеев, В. В. (1915). *Казанское сельскохозяйственное училище*. Типография В.Ф. Киршбаума (отделение).
- Томас, Г. (2016). *Образование: Очень краткое введение*. Издательский дом Высшей школы экономики.
- Трещев, А. М., & Алфёрова, Г. В. (2011). *Становление системы образования в Астраханской губернии (XVIII-начало XX в.)*. Астраханский университет.
- Фишер, М. И. (1909). *К вопросу о новой организации коммерческого образования и о желательных изменениях в законоположениях о коммерческих учебных заведениях Министерства торговли и промышленности*. Типография В. Д. Смирнова.
- Хайруллин, Р. Б., & Черняк, Э. В. (2007). *Торгово-экономическое образование в Казани: История и современность*. Издательство Казанского университета.
- Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. (1905-1918). *Статистический ежегодник России = Annuaire statistique de la Russie*. Типография князя В. П. Мещерского.
- Цирульников, А. М. (1992). *Из тайных архивов русской школы*. Педагогика-пресс.

- Чевакинский, А. И. (1909). *Коммерческая география России: Сравнительное обозрение с главнейшими государствами мира: Курс коммерческих и реальных училищ*. Типография Ю. Н. Эрлих.
- Чевакинский, А. И. (1914). *География России: Курс средних учебных заведений (2-е изд.)*. Типография Ю. Н. Эрлих (владелец А. Э. Коллинс).
- Черепанов, М. В. (1904). *Речные училища*. Типография А. А. Родионова.
- Чубарьян, А. О. (2011-2018). *Всемирная история* (Тт. 1-6). Наука.
- Шалагин, Б. А., & Никитин, В. М. (1973). *100 лет на вахте. 1872-1972. Волго-Вятское книжное издательство*.
- Шепелев, Л. Е. (1981). *Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики*. Наука, Ленинградское отделение.
- Щеголев, П. Е. (Ред.). (1926). *Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. В Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства* (Т. 1-7). Государственное издательство.

References

- Aminov, T. M. (2014). System of Professional Education in Regions of Pre-Revolutionary Russia (through the Example of Bashkiria). *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 3, 244-263. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-244-262> (In Russian).
- Anopov, I. A. (1891). *Po voprosu ob otkrytii promyshlennykh uchilishch: Otchet o komandirovke v 1890 g.* Tipografiya V.S. Balashesheva. (In Russian).
- Arsen'ev, K. K., & Petrushevskiy, F. F. (1890-1907). *Entsiklopedicheskiy slovar'* (Vol. 1-86). Tipografiiya I.A. Efrona. (In Russian).
- Astrakhanskiy gubernskiy statisticheskiy komitet. (1915). *Vsya Astrakhan' i ves' Astrakhanskiy kray: Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoy gubernii na 1915 god. Pervaya gubernskaya tipografiya*. (In Russian).
- Barbashev, N. I. (1959). *K istorii morekhodnogo obrazovaniya v Rossii*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Bardin, I. P. (1968). *Vospominaniya*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Batyshev, S. Ya. (Ed.). (1981). *Ocherki istorii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR*. Pedagogika. (In Russian).
- Beletskiy, I. (1889). *Kratkiy istoricheskiy ocherk dvadtsatipyatiletiya Kazanskogo zemledel'cheskogo uchilishcha vedomstva Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*. Tipografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russian).
- Bowles, S., & Gintis, H. (1976). *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life*. Basic Books, Inc.
- Cherepanov, M. V. (1904). *Rechnye uchilishcha*. Tipografiya A. A. Rodionova. (In Russian).
- Cherkasov, A. A., Bratanovsky, S. N., Ponomareva, M. A., & Zimovets, L. G. (2021). The System of Popular Education in Denmark in the 19th and Early 20th centuries: Some Specific Aspects. *European Journal of Contemporary Education*, 10(2), 509-516. <https://doi.org/10.13187/ejced.2021.2.509>

- Cherkasov, A. A., Bratanovsky, S. N., Zimovets, L. G., & Koroleva, L. A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796-1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*, 10(3), 790-798. <https://doi.org/10.13187/ejced.2021.3.790>
- Chevakinskiy, A. I. (1909). *Kommercheskaya geografiya Rossii: Sravnitel'noe obozrenie s glavneyshimi gosudarstvami mira: Kurs kommercheskikh i real'nykh uchilishch*. Tipografiya Yu. N. Erlikh. (In Russian).
- Chevakinskiy, A. I. (1914). *Geografiya Rossii: Kurs srednikh uchebnykh zavedeniy (2nd ed.)*. Tipografiya Yu. N. Erlikh (vladelets A. E. Kollins). (In Russian).
- Chubar'yan, A. O. (2011-2018). *Vsemirnaya istoriya* (Vol. 1-6). Nauka. (In Russian).
- Danilevskiy, I. N. (Ed.). (2016). *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.* (Vol. 1-4). ROSSPEN. (In Russian).
- Deane, Ph. (1979). *The first industrial revolution (2nd ed.)*. Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511622090>
- Dneprov, E. C. (2011). *Rossiyskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka* (Vol. 1-2). Marios. (In Russian).
- Eroshenko, A. V., & Trofimova, L. N. (2020). Formation of Engineering Education in Russia After Revolution of 1917-1945 Year. *Russian Journal of Education and Psychology*, 11(5), 57-66. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2020-5-57-66> (In Russian).
- Fisher, M. I. (1909). *K voprosu o novoy organizatsii kommercheskogo obrazovaniya i o zhelatel'nykh izmeneniyakh v zakonopolozheniyakh o kommercheskikh uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva trgovli i promyshlennosti*. Tipografiya V. C. Smirnova. (In Russian).
- Gerasimidi, E. I. (2011). Rol' kupechestva v razvitii obrazovaniya v Astrakhani v XIX v. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 1(26), 17-21. (In Russian).
- Glavnoe upravlenie zemleustroystva i zemledeliya. (1912). *Obzor deyatel'nosti Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya za 1911 god*. Tipografiya «Sel'skogo Vestnika». (In Russian).
- Glavnoe upravlenie zemleustroystva i zemledeliya. Departament zemledeliya. (1912-1915). *Kratkie statisticheskie svedeniya po podvedomstvennym Departamentu zemledeliya sel'skokhozyaystvennym uchebnym zavedeniyam* (Vyp. 2-4). Tipografiya V.F. Kirshbauma. (In Russian).
- Gosudarstvennaya kantselyariya. (1905-1907). *Sbornik uzakonenykh ob uchebnykh zavedeniyakh, ne sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* (Vyp. I-II). Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russian).
- Grosul, V. Ya. (Ed.). (2000). *Russkiy konservatizm XIX stoletiya: Ideologiya i praktika*. Progress-traditsiya. (In Russian).
- Gruzov, N. G. (1897). *Rech' direktora Kazanskogo promyshlennogo uchilishcha N.G. Gruzova, proiznesennaya na akte otkrytiya uchilishcha 10 sentyabrya 1897 g.* Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russian).
- Gus'kov, G. V. (Ed.). (1967). *Rechnye uchilishcha i tekhnikumy. K 50-letiyu Oktyabrya*. Gazetno-zhurnal'noe izdatel'stvo Tatarskogo obkoma KPSS. (In Russian).
- Ignat'ev, P. N. (2000). Ocherk o russkoy shkole. *Pedagogika*, 2, 52-59. (In Russian).
- Jesien, W. (1917). Secondary agricultural schools in Russia. In *Department of the Interior. Bureau of Education (Bulletin. № 4)* (pp. 1-22). Government printing office. <https://doi.org/10.5962/bhl.title.35049>

- Kazanskaya gorodskaya дума. (1895). *Doklad komissii, izbrannoy Kazanskoj Gorodskoj Dumoy dlya obsuzhdeniya voprosa ob uchrezhdenii v g. Kazani kommercheskogo uchilishcha v svyazi s preobrazovaniem real'nogo uchilishcha. 2 marta 1895 g.* Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russian).
- Kazanskije gubernskie vedomosti. (1860). (In Russian).
- Kazanskije gubernskie vedomosti. (1872). (In Russian).
- Kazanskoe kommercheskoe uchilishche. (1906). *Godovoy otchet semiklassnogo Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha vedomstva Ministerstva trgovli i promyshlennosti za 1905-1906 uchebnyy god.* Lito-tipografiya I.N. Kharitonova. (In Russian).
- Kazanskoe kommercheskoe uchilishche. (1910). *Zayavlenie popechitel'nogo soveta Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha v Kazanskuyu gorodskuyu dumu.* Tipo-litografiya Okruzhnogo shtaba. (In Russian).
- Kazanskoe kommercheskoe uchilishche. (1916). *Desyatiletie Kazanskogo kommercheskogo uchilishcha. 1905-1915.* Kazanskoe kommercheskoe uchilishche. (In Russian).
- Kazanskoe promyshlennoe uchilishche. (1907). *Kratkie svedeniya o Kazanskom promyshlennom uchilishche i usloviya priema.* Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian).
- Kazanskoe rechnoe uchilishche. (1905). *Otchet po uchebno-vospitatel'noy i material'noy chasti Kazanskogo rechnogo uchilishcha za 1904-1905 uchebnyy god.* Kazanskoe rechnoe uchilishche. (In Russian).
- Kazanskoe rechnoe uchilishche. (1915). *Ocherk desyatiletney deyatel'nosti Kazanskogo rechnogo uchilishcha 1-go razryada.* Volzhsko-Kamskaya pechatnya. (In Russian).
- Kazanskoe srednee sel'skokhozyaystvennoe uchilishche. (1913). *Svedeniya o Kazanskom srednem sel'skokhozyaystvennom uchilishche i pravila dlya postupleniya v nego.* Elektricheskaya tipografiya. (In Russian).
- Khayrullin, R. B., & Chernyak, E. V. (2007). *Torgovo-ekonomicheskoe obrazovanie v Kazani: Istoriya i sovremennost'.* Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian).
- Kind, V. A. (1916). *Puti i formy rasprostraneniya professional'nykh znaniy.* Tipografiya zheleznodorozhnogo izdatel'stva. (In Russian).
- Kniga, M. C. (2018). *Stanovlenie i razvitie sistemy sel'skokhozyaystvennogo prosveshcheniya v guberniyakh Evropeyskoj Rossii (90-e gody XIX v. – 1917 g.)* [Doctoral Thesis]. Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskij universitet. (In Russian).
- Kosarev, S. (Ed.). (1911). *Vyatskoe srednee sel'skokhozyaystvenno-tekhnicheskoe uchilishche imeni imperatora Aleksandra II i nizshaya pri nem remeslennaya shkola: Kratkiy istoricheskiy ocherk za 1 desyatiletie. 1901-1911 gg.* Tipo-litografiya M.M. Shklyaevoj, byvshaya Maisheeva, Kuklina i Krasovskogo. (In Russian).
- Koshman, L. V. (2008). *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Sotsial'nye i kul'turnye aspekty.* ROSSPEN. (In Russian).
- Kuz'min, N. N. (1971). *Nizshie i srednee spetsial'noe obrazovanie v dorevolyutsionnoj Rossii. Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.* (In Russian).
- Kuz'min, N. N. (1972). *Nizshie i srednee spetsial'noe obrazovanie v Rossii* [Doctoral Thesis]. Moskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskij institut im. V. I. Lenina. (In Russian).

- Lieven, D. (2006). *Cambridge History of Russia: Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge University press. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521815291>
- Maksimov, E. K., & Totfalushin, V. P. (2007). *Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny*. Nauchnaya kniga. (In Russian).
- Maksin, I. M. (1909). *Ocherk razvitiya promyshlennogo obrazovaniya v Rossii 1888–1908*. Izdanie otdela promyshlennykh uchilishch ministerstva narodnogo prosveshcheniya, tipografiya Sankt-Peterburgskoy odinochnoy tyur'my. (In Russian).
- Martynov, P. L. (1898). *Gorod Simbirsk za 250 let ego sushchestvovaniya: Sistematischeskiy sbornik istoricheskikh svedeniy o g. Simbirske*. Simbirskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. (In Russian).
- Milyukov, P. N. (1896–1904). *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* (Ch. 1-3). Redaktsiya zhurnala «Mir bozhii» (Tipografiya I.N. Skorokhodova). (In Russian).
- Ministerstvo finansov. Departament trgovli i manufaktur. (1896). *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii: S prilozheniem obshchey karty fabrichno-zavodskoy promyshlennosti Rossiyskoy Imperii* (2nd ed.). Tipografiya I. A. Efrona. (In Russian).
- Ministerstvo finansov. Uchebnyy otdel. (1901–1906). *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu* (Vyp. I-V). Tipografiya i litografiya V.V. Komarova. (In Russian).
- Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. Otdel promyshlennykh uchilishch. (1909). *Osnovnye polozeniya o promyshlennykh uchilishchakh 7 marta 1888 g. V Srednie tekhnicheskie uchilishcha. Nizshie tekhnicheskie uchilishcha*. Izdanie otdela promyshlennykh uchilishch Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (In Russian).
- Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. (1910). *Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii srednego i nizshego professional'nogo obrazovaniya v Rossii* (Ch. 1-2). Tipografiya A.V. Orlova. (In Russian).
- Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. (1916). *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu ministerstva trgovli i promyshlennosti. 1913–1914 uchebnyy god*. Tipografiya A.V. Orlova. (In Russian).
- Ministerstvo zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv. (1898–1916). *Sbornik svedeniy po sel'skokhozyaystvennomu obrazovaniyu* (Vyp. 1-18). Tipografiya V. Demakova. (In Russian).
- Molchanova, V. S., Balanyuk, L. L., Vidishcheva, E. V., & Potapova, I. I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye gody*, 53(3), 1049–1058. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.3.1049> (In Russian).
- Morachevskiy, V. V. (Ed.). (1914). *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii*. Departament zemledeliya. (In Russian).
- Morev, C. C. (1900). *Ocherk kommercheskoy geografii i khozyaystvennoy statistiki Rossii sravnitel'no s drugimi gosudarstvami* (6 ed.). Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (In Russian).
- Nikonov, A. A. (1995). *Spiral' mnogovekovoy dramy: Agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)*. Entsiklopediya rossiyskikh dereven'. (In Russian).
- Plodovskiy, P. I. (ed.). (1912). *Samarskoe srednee sel'skokhozyaystvennoe uchilishche i ego khozyaystvo* (Ch. 1). Zemskaya tipografiya. (In Russian).
- Postnikov, N. N. (ReC.). (1898). *Sistematischeskiy sbornik postanovleniy Kazanskoy gorodskoy dumy za 22 goda (s 1871 po 1892 vklyuchitel'no)*. Kazanskaya gorodskaya uprava. (In Russian).

- Ringer, F. (2008). Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933. V *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Rossiia. Imperator. (1874). Polozhenie o zemlemero-taksatorskikh klassakh 9 aprelya 1860 g. In *Sbornik zakonov mezhevykh* (pp. 393–402). Izdanie N. A. Dement'eva. (In Russian).
- Rossiia. Imperator. (1899). Polozhenie o kommercheskikh uchebnykh zavedeniyakh 15 aprelya 1896 g. In *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie 3-e: T. XVI* (pp. 281–288). Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russian).
- Rossiia. Imperator. (1904). Polozhenie o rechnykh uchilishchakh vedomstva putey soobshcheniya; Shtaty rechnykh uchilishch Vedomstva putey soobshcheniya 10 iyunya 1902 g. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie 3-e: T. 22. Kniga 1* (pp. 607–610). Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1902–1916). F. 95. In. 14. C. 272. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1904). F. 231. In. 1. C. 2185. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1906–1911). F. 231. In. 2. C. 225. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1909). F. 95. In. 14. C. 429. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1911–1913). F. 25. In. 5. C. 124. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1911). F. 231. In. 1. C. 2692. (In Russian).
- Russkoe slovo*. (1907, oktyabr' 16). (In Russian).
- Samarskiy Vestnik*. (1910, yanvar' 5). (In Russian).
- Sarantsev, I. P. (2007). *Ocherki istorii professional'nogo obrazovaniya Simbirskogo-Ulyanovskogo kraja* (Ch. 1–2). OOO «Region-Invest». (In Russian).
- Saratovskoe kommercheskoe uchilishche. (1901). *Otchet Saratovskogo kommercheskogo uchilishcha za 1900–1901 uchebnyy god*. Parovaya tipo-litografiya G. Kh. Shel'gorn i K°. (In Russian).
- Saratovskoe promyshlennoe uchilishche. (1903). *Saratovskoe promyshlennoe uchilishche (soedinennoe srednee mekhaniko- i khimiko-tekhnicheskoe)*. 1899–1903. Tipo-litografiya P. S. Feokritova. (In Russian).
- Semenov, V. P. (Ed.). (1899–1914). *Rossiia: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* (Vol. 1–19). Izdanie A.F. Devriena. (In Russian).
- Shalagin, B. A., & Nikitin, V. M. (1973). *100 let na vakhte. 1872–1972. Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo*. (In Russian).
- Shchegolev, P. E. (ReC.). (1926). *Padenie tsarskogo rezhima: Stenograficheskie otchety doprosov i pokazaniy, dannyykh v 1917 g. V Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii Vremennogo Pravitel'stva* (Vol. 1–7). Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Shepelev, L. E. (1981). *Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroy polovine XIX veka: Problemy torgovo-promyshlennoy politiki*. Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
- State Archive of Kirov Oblast (SAKO). (1901). F. 219. In. 1. C. 25. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). (1904). F. 120. In. 1. C. 1. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). (1906). F. 121. In. 1. C. 459 a. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). (1908). F. 312. In. 1. C. 1. (In Russian).

- State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). (1910-1912). F. 312. In. 1. C. 10. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). (1911). F. 121. In. 1. C. 607. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (1911-1917). F. 254. In. 1. C. 249. (In Russian).
- State Archive of the Saratov Region (SASR). (1915). F. 252. In. 1. C. 79. (In Russian).
- State Archive of the Ulyanovsk Region (SAUR). (1860). F. 128. In. 2. C. 27. (In Russian).
- State Archive of the Ulyanovsk Region (SAUR). (1900). F. 46. In. 2. C. 60. (In Russian).
- State Archive of the Ulyanovsk Region (SAUR). (1908-1909). F. 46. In. 2. C. 410. (In Russian).
- State Archive of the Ulyanovsk Region (SAUR). (1909). F. 46. In. 2. C. 447. (In Russian).
- Taneev, V. V. (1915). *Kazanskoe sel'skokhozyaystvennoe uchilishche*. Tipografiya V.F. Kirshbauma (otdelenie). (In Russian).
- Tomas, G. (2016). *Obrazovanie: Ochen' kratkoe vvedenie*. Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Treshchev, A. M., & Alfërova, G. V. (2011). *Stanovlenie sistemy obrazovaniya v Astrakhanskoy gubernii (XVIII-nachalo XX v.)*. Astrakhanskiy universitet. (In Russian).
- Tsentrал'nyy statisticheskiy komitet Ministerstva vnutrennikh del. (1905-1918). *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii = Annuaire statistique de la Russie*. Tipografiya knyazya V. P. Meshcherskogo. (In Russian).
- Tsirul'nikov, A. M. (1992). *Iz taynykh arkhivov russkoy shkoly*. Pedagogika-press. (In Russian).
- Velikopol'skiy, A. A. (1909). *Zapiski pedagoga*. Obshchestvennaya pol'za. (In Russian).
- Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917, May 31). (In Russian).
- Vinogradov, V. V. (1912). *Torgovo-morekhodnoe obrazovanie v Rossii*. Tipografiya V. Kirshbauma (otd.). (In Russian).
- Vitte, S. Yu. (1960). *Vospominaniya* (Vol. 1-3). Sotsekgiz. (In Russian).
- Vnutrennee obozrenie. Preobrazovanie zemledeľcheskikh uchilishch. (1878). *Vestnik Evropy*, 4(8), 727-737. (In Russian).
- Vnutrennee obozrenie. Rech' g. Ministra finansov v zasedanii komissii po uporyadocheniyu khlebnoy trgovli. (1899). *Vestnik Evropy*, 2, 786-792. (In Russian).
- Volkov, M. F. (2015). *Istoriya uchrezhdeniya Saratovskogo universiteta i Saratovskaya gorodskaya дума. 1 dekabrya 1906 g. – 6 dekabrya 1909 g.: Vospominaniya i zametki*. Novyy veter. (In Russian).
- Volzhskiy listok*. (1904). (In Russian).
- Vyatic. (1901). *Sel'skokhozyaystvennoe uchilishche v Vyatke*. *Mir bozhiy*, 11, 24-26. (In Russian).
- Vyatskaya gubernskoe zemstvo. (1913). *Sbornik postanovleniy Vyatskogo gubernskogo zemstva za 21 god: Sessii 26-45 (1892-1913 gg.): Narodnoe obrazovanie*. Tipografiya i khromolitografiya Shklyayevoy. (In Russian).
- Vyatskaya rech'*. (1910). (In Russian).
- West, E. (1975). *Education and the industrial revolution*. Batsford.
- Zavolzh'e*. (1914). (In Russian).

Zharova, E. Yu. (2021). Professors of Life Sciences Departments of the Universities of Russian Empire in the 1850s – 1860s and the “Second Importation” of Science. *Modern Studies of Social Issues*, 13(4), 53–77. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-53-77> (In Russian).

Zheleznov, V. Ya., & Kovalevskiy, M. M. (ReC.). (1910-1948). *Entsiklopedicheskiy slovar' tovarishchestva «Brat'ev A. i I. Granat i K°»* (Vol. 1–58). Tovarishchestvo «Brat'ya A. i I. Granat i K°». (In Russian).